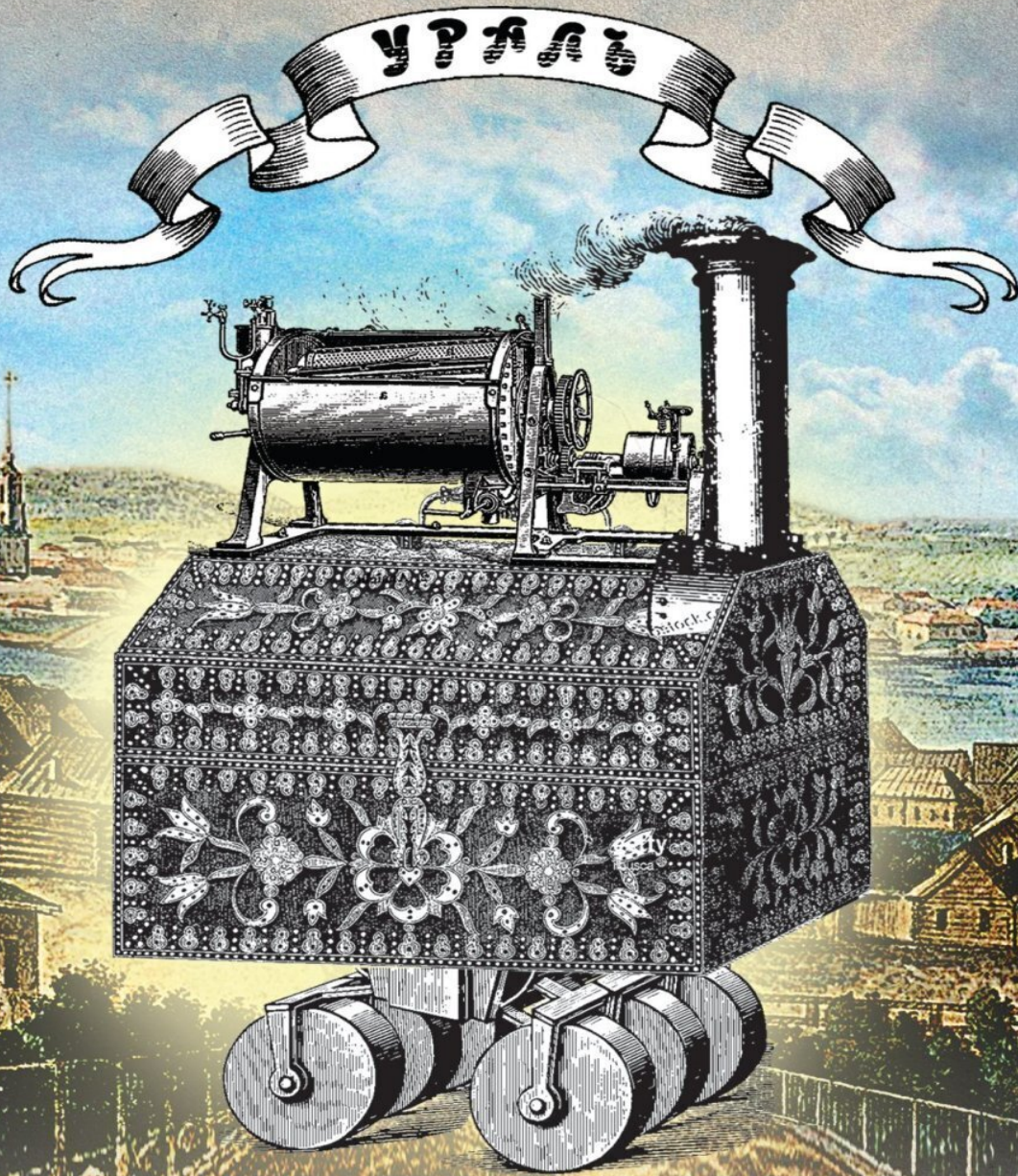

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

УРАЛЬСКОЕ
ЭХО

Николай Свечин
Уральское эхо

© Свечин Н., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Автор благодарит *Владимира Миктюка* за историко-краеведческую экспертизу книги

Глава 1

Пропажа агента

Вечером 10 июля 1913 года надзиратель второго разряда Петербургской сыскной полиции Иван Изралов не пришел на ежедневный доклад к чиновнику ПСП Левикову. Тот курировал Второе отделение наружной полиции^[1], куда входили участки, за которые отвечал агент^[2].

Левиков сперва не обратил внимания на неявку подчиненного. Титулярный советник был опытным служакой, а в 1907 году даже возглавлял Бакинское сыскное отделение, где пережил покушение на свою жизнь. Теперь Александр Степанович занимал в ПСП ответственную должность чиновника для поручений. Надзиратель не пришел на доклад – значит, был занят неотложным делом. Утром явится и отчитается.

Но Изралов не явился и утром. Это уже было из ряда вон, и на дом к надзирателю отправился курьер. Он вернулся ни с чем: жена сказала, что сама беспокоится за мужа. Ушел вчера в пятом часу пополудни с загадочным лицом и с тех пор не возвращался. В дверях спросил: если меня повысят в первый разряд, что тебе купить с нового жалования?

Чиновник немедленно доложил о происшествии начальнику сыскной полиции статскому советнику Филиппову. Тот успокоил подчиненного: за сорок семь лет существования их службы ни один сыщик не погиб. Скорее всего, агент напал на горячий след и пошел по нему. Такие случаи бывали – надзиратели иной раз проезжали пол-России, филируя преступника. Доберется Изралов до телеграфа и сообщит, где он и что с ним... Но на всякий случай шеф велел осмотреть квартиру и рабочий стол Ивана. Еще он спросил чиновника:

– Что вы ему поручали из последних дел?

– Иван отвечает за Первый и Второй участки Нарвской части, – сказал титулярный советник. – Вы же помните, Владимир Гаврилович, что у нас там.

Статский советник крякнул:

– Да уж...

Участки были одними из самых беспокойных в столице. Они охватывали местности по левому берегу Обводного канала между Царскосельским проспектом и речкой Таракановкой. Один Скотопригонный двор чего стоит! А еще два вокзала – Варшавский и Балтийский – плюс Митрофаньевское кладбище с его близостью к Горячему полю... Притоны Альбуминной и Старообрядческой улиц, казармы рабочих городской бойни, бесконечные лабазы тряпичников вдоль канала... Темные обираловки вокруг банов^[3], в каждой из которых квартирует отдельная хевра мойщиков или скрипушников...^[4] Пакгаузы железных дорог, как магнит притягивающие всю окрестную погань...

– А те два убийства тоже он дознавал? – насторожился Филиппов.

– Точно так. Без особого успеха, правда. Я уже собирался усилить Изралова другим надзирателем, да...

На этих словах чиновник ухватил себя за подбородок:

– Неужели?..

– Что вспомнили, Александр Степанович?

– Да он вчера и мне строил загадочное лицо. А потом бросил через плечо: не цените вы меня, но я докажу...

В конце июня за оградой Воскресенского женского монастыря нашли два мужских трупа. Документов при них не было, и на установку личности ушло несколько дней. Полицейские выяснили, что это были отец и сын Зыковы, богатые прасолы из Усть-Каменогорска. Приехали торговать скот, получили выручку – и их зарезали. Двойное убийство – происшествие чрезвычайное, градоначальник Драчевский постоянно спрашивал о ходе дознания у Филиппова. Но юбилейные торжества^[5] отвлекали все силы сыщиков. Наплыв приезжих, неизбежные мордобой и поножовщина

в местах народных гуляний – чины ПСП валялись с ног и ждали осени.

Филиппов тяжело поднялся, почесал объемистый живот и сказал:

– Идемте.

Они вошли в комнату надзирателей и двинулись вдоль столов.

– Вот этот его, – указал на стол у окна Левиков. – Делит вместе с Дмитриевым и Гунтаревым.

– Господа, где ящик Изралова? – спросил статский советник у агентов. Один из них, Гунтарев, открыл створку:

– Здесь, ваше высококородие. А еще навалено сверху.

– Что такое?

Филиппов взял со стола сорок шестой том словаря Брокгауза и Ефрона.

– Иван забрал вчера у журналиста [\[6\]](#).

– Зачем?

– Не сказал, ваше высококородие. А вон там закладку видать.

Статский советник раскрыл том на закладке и почернел:

– Вон оно как... Тут еще надпись.

Левиков взял из его рук полоску бумаги и прочел вслух:

– «Сусальников, Матвей, Екатеринбург». Абракадабра или подсказка, Владимир Гаврилович?

– А вот сюда посмотрите, – ткнул тот пальцем в колонку энциклопедического словаря.

– Платов? Тот самый, казачий граф?

– У нас, Александр Степаныч, свой Платов имеется. Нешто забыли?

Тут и Левиков дернул щекой:

– Ах ты господи... Не может быть! Он в столице? Хотя... в марте еще я получил об этом очень поверхностные сведения... докладывал вам, помните?

– Помню и не придал тогда значения, – кивнул начальник ПСП. – Вот и допрыгались. Найдем ли мы теперь Ваню? И думать об этом не хочется.

Филиппов оказался прав. Больше надзирателя второго разряда Ивана Изралова никто никогда не видел. Ни живого, ни мертвого.

Спустя сорок восемь часов в отдельном кабинете ресторана «Англия», что на Офицерской, 17, собрались три статских советника. Компанию Филиппову составили делопроизводитель Восьмого делопроизводства Департамента полиции Лебедев и чиновник особых поручений того же ведомства Лыков. Эти трое являлись лучшими сыщиками столицы. С недавних пор они установили обычай: раз в месяц встречаться и обсуждать накопившиеся вопросы. Сегодня начальник ПСП собрал коллег вне очереди – уж очень срочное было дело.

Выпив по первой рюмке и закусив, их высокородия переглянулись. Алексей Николаевич кивнул Владимиру Гавриловичу:

– Начинай. Ты насчет Изралова?

– Да.

– Так и не нашли?

– Боюсь, и не найдем.

У Лыкова на лбу появилась невеселая складка.

– Это он весной помогал взять Жоржика Могучего на том же Обводном?^[7]

– Он.

– Расторопный был...

Филиппов вздохнул, поправил на коленях салфетку и начал рассказывать:

– Имя Матвей на закладке и страница в словаре, на которой рассказывается про графа Платова, дают нам отчетливый след. Видимо, мой надзиратель обнаружил, что к убийству прасолов приложил руку некто Шелашников, бывший горнорабочий поселка Шайтанка Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Вы должны его знать – он уже пять лет как в циркулярном розыске.

Департаментские кивнули, но Лыков добавил:

– Уточни детали, а то мерзавцев всяких пруд пруди, всех не упомнишь.

– Этот особенный, – вздохнул главный столичный сыщик. – Зовут Матвей Досифеевич, лет от роду сорок пять, а кличка в уголовной среде – Граф Платов.

– Отчего так? – заинтересовался Лебедев.

– История длинная...

– Тогда махнем еще по рюмке, и продолжишь.

Они выпили, и Владимир Гаврилович задал неожиданный вопрос:

– Знаете, кто такие платирины?

Лыков пожал плечами. Но Лебедев, который много занимался классификацией примет, ответил:

– Это что-то связанное с носом. У платиринов он широкий.

– Верно, Василий Иванович. Платиринами называют представителей тех рас, у которых широкие носы. Это негры, негритосы и австралийцы. У них ширина носа в полтора раза больше, чем длина. А у европейцев, например, вдвое меньше. У иранцев или кавказцев соотношение еще меньше. Так вот. Наш герой имеет особую примету – именно такую картошку на лице вместо носа. Когда он в первый раз угодил в тюрьму, смотритель попался шутник и антрополог-самоучка. Он дал Шелашникову прозвище Платирин и даже записал его в статейные списки. Окружающие уголовники такого слова запомнить не могли и переиначили парня в Платова. Точнее, Графа Платова. Опять же, оба крещены Матвеями.

Алексей Николаевич почувствовал недосказанность и уточнил:

– У парня задатки вождя? Казачьего графа в народе уважают, просто так его именем не назовут.

– Да, наш горнорабочий недолго мыл золото. Вообще, с этим презренным металлом смолоду связана его жизнь. На Урале много золота, им занимаются все кому не лень. А где оно, там воровство, хищническая намывка, незаконная торговля. И кровь. Еще будучи шестнадцати лет, Шелашников убил у себя в Шайтанке десятского.

Он нашел самородок в полфунта весом и решил спрятать. Начальник увидел и отобрал. Так Матвейка зарядил ружье мелкими обойными гвоздями, пришел в контору и пустил гвозди обидчику в живот! Поскольку он был еще несовершеннолетний, попал в колонию, из которой вышел уже закоренелым преступником. Второй раз Шелашников зарезал скупщика ворованного с приисков золота, в той же Шайтанской даче^[8]. Вскоре попался, получил в подследственной тюрьме свою знаменитую кличку, а затем восемь с половиной лет каторги. Откуда и сбежал меньше чем через год. Это было в девятьсот третьем. С тех пор Графа Платова поймать не могут, а убийств на нем уже около десятка. С двумя прасолами, считайте, дюжина. И он приехал разбойничать в Петербург, сволочь.

– Где их сиятельство промышлял все эти годы? – спросил Василий Иванович.

– Главным образом на Среднем Урале, в родной Пермской губернии. В лихолетье примыкал к банде знаменитого Лбова. Командовал своей шайкой, но с мотовилихинским Робин Гудом тесно сотрудничал.

– Лбова давно повесили, – напомнил Алексей Николаевич.

– Да, пять лет назад. Но его многочисленных сообщников, а им счет шел на сотни, ловят по сию пору. Многие так и не получили наказания за свои изуверские подвиги.

Сыщики заторопились налить себе коньяку. Говорить о лихолетье им без крепких напитков не хотелось...

– Да уж, время было – не приведи Господь повторится... – буркнул Филиппов.

Лыков потер шею – вдруг заболело в том месте, куда угодила пуля, выпущенная негодяем Варешкиным^[9]. Действительно, времечко было трудное, многие полицейские не сумели его пережить...

– Что дали поиски? – вернул всех в настоящее Лебедев. – Вы ищите третий день, каков результат?

– Результат ноль, – кисло ответил Филиппов. – След, который взял мой надзиратель, мы изучили. И ничего нам это не дало. На закладке была фамилия Сусальников. Так звали владельца тряпичного склада на Обводном канале, угол с Везенбергской улицей. Весь тот конец воровской, а тряпичники – жулики все без исключений!

В самом деле, промысел по сбору тряпья и других отходов оставался головной болью полиции. Владельцы складов, хозяева артелей являлись важными людьми в преступной иерархии столицы. Именно они укрывали похищенное, переделывали слам^[10], содержали воровские шайки и служили при них наводчиками. Особенно дурной славой пользовались Тосина и Боровая улицы, там честному промышленнику вообще жить не пристало. Но и другие закоулки вокруг Обводного канала были не лучше. Опасное место!

– Так что Сусальников?

– Он сбежал в ночь пропажи надзирателя. Чем доказал свою к этому причастность. Мы наводим справки, но дело трудное. Ясно, что он никакой не Сусальников, документы поддельные, а склад его – логовище блатер-каина^[11] крупного калибра. Мы отыскали там то, что ребята не успели унести: хлопок и кожи с пакгаузов, десять фунтов платиновой жести, целую гору мешков с сахаром-рафинадом. А еще три магазинные винтовки и тысячу патронов к ним.

– Винтовки? – оживился Лыков. – Террористам продавали?

– Многие купят такой товар, – осадил приятеля Владимир Гаврилович. – И кавказские абреки, и македонские повстанцы, и армянские боевики-дашнаки.

– Послали номера винтовок в Военное министерство?

– Разумеется. Ответа пока нет. Шерстим картотеку, смотрим, на кого похож липовый Сусальников.

– А приказчики со склада? Кассир? Дворник дома, где проживал барыга?

– Приказчики врут, что ничего не знали. Кассир тоже. Дворник – пьяница. Посадить мы никого не можем, припугнуть нечем. Бумаги, переписка – все исчезло, он захватил их с собой.

– Двойное убийство плюс пропажа сыскного надзирателя – да тут любой следователь распорядится насчет ареста, – возразил Лыков. – А в предварительной тюрьме прижмешь и приказчиков, и кассира. Они много знают!

Филиппов скептически покачал головой: мол, тебе легко говорить... Тогда Лебедев веско спросил:

– Владимир Гаврилович, чем мы с Алексеем Николаевичем можем тебе помочь?

– Привлеките силы департамента.

– Конечно, но какие именно? Тебе нужна наша картотека?

– Да. Я пришлю завтра фотопортрет лже-Сусальникова и описание его привычек. Копните у себя, хорошо?

– Копнем, а еще что? Отпечатки пальцев барыги сняли?

– Там сотни отпечатков, и в конторе, и дома. Не разберешься, какие из них его.

Департаментские неодобрительно загудели. Разобраться можно, было бы желание! Пальцевые отпечатки стали брать сравнительно недавно, но их картотека уже приблизилась к ста тысячам. Это если считать с ГТУ^[12] и сыскными отделениями.

Владимир Гаврилович поспешил свернуть разговор и обратился к принесенному горячему. Остаток вечера прошел в беседах о том о сем, сыщики чревоугодничали. Лыков рассказал, что семейство решило избавиться от лесного имения в этом году. Его товарищи понимающе закатили глаза: завтра может быть поздно. Весь думающий Петербург чувствовал тягостное и неизбежное приближение беды. Одни веселились, другие продавали недвижимость. Лебедеву с Филипповым продавать было нечего, а веселиться не получалось...

На другой день Алексей Николаевич получил пакет с Офицерской^[13]. В нем лежала карточка с изображением малого

лет тридцати семи, с плутоватым выражением лица и тонкими поджатыми губами. Заурядный господин и какой-то сухой, с глубоко запрятанным характером. Будто старовер, недоброжелательно отметил статский советник. Почему старовер? Он подумал и сам себе ответил: есть в этом сбежавшем делеге что-то от начетчика.

Весь день Лыков рылся в картотеке департамента, излазил архив Окружного суда, справился в ГТУ. Начетчика он не нашел, хотя в глазах уже рябило от регистрационных карточек. Статский советник не сдавался. Этот человек причастен к убийству надзирателя сысской полиции. В то, что Изралов жив, верилось с трудом... Сейчас десятки людей в столице ищут хоть какие-то зацепки. Они не успокоятся, пока не отомстят за товарища. Чиновник особых поручений в пятом классе при министре внутренних дел, прикомандированный для занятий в Департаменте полиции, – так длинно называлась должность Алексея Николаевича. А можно сказать одним словом – сыщик. Именно в таком качестве Лыков рыл землю, чувствуя себя с неимеющим чина надзирателем второго разряда братьями по крови.

Так... Осанка: выправка корпуса, манера держаться. Прозвище, кличка, ложное имя. Особенности жестикуляции, гримасы, мимика. Природный язык, голос, иностранный акцент, областной выговор, наречие. Походка. Особенности одежды. Особые приметы. Привычки, слабости. Из допросов близких к тряпичнику лиц выяснилось, что он говорил чуть гнусаво, при ходьбе сутулился, любил шанежки с творогом (где бы их еще взять в Петербурге) и в состоянии подпития сипло распевал «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”». Целая куча примет, но она ни к кому не подходила.

На другой день явился из отпуска загорелый Азвестопуло. Он начал было излагать шефу свои путевые впечатления, но тот заткнул фонтан красноречия коллежского асессора и велел помочь с поиском. А именно связаться с Московской сысской: пусть пороются в своей картотеке и попробуют найти любителя шанежек. Через

кондуктора в Москву были посланы копия фотографии лже-Сусальникова и описание его примет.

Вышло так, что именно запрос в Первопрестольную дал результат. Люди Кошко^[14] тоже чувствовали свою общность с пропавшим сыщиком и отработали на совесть. К концу недели стала известна настоящая фамилия тряпичника – Иван Пиньжаков, мастерской поселка Шарташ Екатеринбургского уезда. Он действительно оказался старовером, их в Шарташе жило немало. Бандит из шайки того же Лбова по кличке Двоедан^[15], он судился в 1907 году в Перми, за недоказанностью получил три года ссылки, из которой сбежал.

Итак, два злодея из одной хевры. Забытое дело осталось незавершенным. Недобитые птенцы «уральского Ринальдино Ринальдо» (так газеты именовали атамана) расплозились по стране, отсиделись, переменили личность и опять взялись за старое.

Установив имена главных подозреваемых, полиция начала методичную работу по их розыску. Первым делом мобилизовали агентуру: Филиппов свою, а Лыков свою. У ПСП счет информантам шел на сотни, но это была главным образом «коридорная» агентура. Так называли мелких осведомителей, вхожих разве что в предбанник серьезной преступности. Воришки, мошенники, скупщики краденого, проститутки, половые в уголовных трактирах, «черные извозчики»^[16]. Состоящие с ними на связи агенты принимали ребят не на явочных квартирах, а прямо в служебных кабинетах на Офицерской. Люди в ожидании, когда их позовут, толкались в коридоре у всех на виду, потому и прозывались коридорными. Нарушений конспирации тут не было: подобную публику и так через день тягали в полицию для внушений и расспросов. Находящиеся на свободе мелкие уголовники всегда считались подозреваемыми по текущим делам, сыщики трясли их с утра до вечера...

Два-три десятка серьезных осведомителей, золотой фонд ПСП, работали иначе. С ними на явках встречались только чиновники

сыскной или даже помощник Филиппова коллежский ассессор Маршалк. А двух-трех человек принимал сам Владимир Гаврилович. Им задачи ставились другие: не подслушать разговор фартовых за биллиардом, а разузнать, куда спрятались бывшие лбовцы.

Алексей Николаевич пошел своим путем. Первым делом он назначил встречу Сорокоуму – столичному «ивану иванычу», вождю преступного мира Петербурга Ларьке Шишку, или Рудайтису, в миру капиталисту Вырапаеву^[17].

Они позавтракали в ресторане «Бугорки» на Мясной улице, подальше от любопытных глаз. За соседним столиком пристроились трое парней, каждый из которых был ростом с циркового борца Кашеева^[18]. Еще один дежурил на улице, и карман у него сильно оттопыривал револьвер.

– Кого-то опасаясь? – кивнул на охранников сыщик.

– На всякий случай, – пояснил «иван иваныч». – Говори, зачем побеспокоил. Мне в Италию ехать надо, а тут ты...

– Пропал без вести надзиратель сыскной полиции Изралов.

– Ну и что? Я-то тут при чем?

Вырапаев-Рудайтис смотрел на Лыкова холодными волчьими глазами, в которых не было ничего человеческого. Алексей Николаевич понял, что разговор не задастся. Но следовало попытаться.

– Когда мы с тобой договаривались, ты сказал: везде должен быть порядок, и в фартовом мире тоже. Помнишь?

– Помню.

Статский советник начал горячиться:

– Убийство сыскного надзирателя, по-твоему, порядок?

– Трупа ведь нет? Нет. Почему вы решили, что тут убийство?

– Илларион Саввич, давай говорить серьезно. Что, Изралова держат где-то в подвале на цепи? И вскоре отпустят?

– Понятия не имею.

– Полно врать!

Лыков хватил кулаком по столу. Рослые ребята сразу вскочили и кинулись к ним, но «иван иваныч» жестом вернул их на место.

Собеседники помолчали, опрокинули по рюмке бенедиктина, и Рудайтис спросил:

– Алексей Николаич, какого лешего ты ведешь себя со мной как с капорником?^[19] Который получает трешницу за доносы. Ничего не перепутал?

– Извини.

– Так-то лучше. Начнем с начала. Пропал сыскной надзиратель. Возможно, ты прав, его убили и где-то закопали. Что ты хочешь от меня?

Лыков потер вспотевшие вдруг ладони и заговорил спокойно:

– Знаешь, как я тебя называю в разговорах с Азвестопуло? Профессор Мориарти. Читал Конан-Дойла?

Бандит с усмешкой кивнул.

– Так вот, если ты Мориарти Петербурга, то обязан знать все, что творится в городе. А уж такое неслыханное преступление, как убийство надзирателя сыскной полиции, тем более не могло пройти мимо твоего внимания.

Сорокоум продолжал молчать, только сверлил сыщика взглядом. Тот махнул еще бенедиктина, закусил каперсом и продолжил:

– Мы с тобой заключили соглашение. Не как лягач^[20] с полицейским, а как две высокие договаривающиеся стороны. Ты от преступности, я от закона. Суть соглашения позволю себе напомнить: избегать крайностей. Правильно формулирую?

– Ну, в целом да...

– Не юли, ты ведь теперь не Ларька Шишок, как двадцать лет назад, а серьезный деловик.

Рудайтис тоже махнул рюмку и уточнил:

– Ты хочешь, чтобы я сдал тебе Графа Платова на блюдечке?

– Видишь, ты даже знаешь, кто убийца. Граф Платов, он же Матвей Шелашников. Он переступил линию, которую нельзя переступать – казнил полицейского. Никакая власть не потерпит подобного.

«Иван иваныч» с издевкой парировал:

– Ваша власть спустит и не такое.

Лыкову очень захотелось врезать бандиту кулаком в челюсть, но делать этого было нельзя.

– Ты хочешь сказать, что убийство останется безнаказанным? – спросил он.

– Нет, почему же. Поймай его и накажи.

– Я ловлю. Но считаю, что ты должен помочь мне.

– С какой стати? – опять усмехнулся Рудайтис.

– С той, что негодяй переступил черту.

– Лыков, ты эту черту сам придумал. Нету ее. Фартовый сложил фигариса...^[21] Так жизнь устроена. Ты хочешь ее поменять? Утопист!

– Не должно быть подобного в державе, – упрямо настаивал сыщик. – Вы бегаєте, мы догоняем, это нормально. А убивать нельзя! За такое сразу в ящик.

Бандит вздохнул, словно устал от спора:

– Сними шоры. Или розовые очки, не знаю, как правильно. Держава твоя насквозь сгнила. В ней сейчас все дозволено. Чего верещишь, как малолетка? Не должно, переступил черту, в ящик... Пустые слова. Дам кому полагается сколько полагается и буду делать что хочу.

– Но...

– Заткнись. Какая еще черта? Сильный поедает слабого спокон веку.

Таким Лыков своего антипода еще не видел. Сорокоум явно не хотел помогать сыщику. И фактически отменил все прежние договоренности. Что случилось?

Постепенно до него стало доходить. Еще год назад он подвел своего осведомителя Суровикова к ближайшему помощнику «ивана иваныча» Никифору Ногтеву по кличке Верлиока. Этот старый разбойник держал на Амбарной улице резбенно-иконостасную мастерскую. Звали его сейчас по паспорту Чухонцев. Наружно он резал иконостасы, а на самом деле дирижировал торговыми

операциями шефа. И не только торговыми, но часто и боевыми. Для этого при Верлиоке существовал карательный отряд. Лыков знал о двух ликвидациих, проведенных лиходеями, но начальству не докладывал. Убили-то разбойников, приятелей низложенного «ивана» по прозвищу Мезгирь, на котором крови было больше, чем на полевом хирурге...

Суровиков еще весной доложил сыщику, что люди Рудайтиса занялись скупкой украденного с приисков золота. И быстро вышли на значительные обороты, особенно на Среднем Урале. Именно оттуда был родом Граф Платов. И с золотом он имел дело смолodu. Не иначе, Матвей Досифеевич стал уполномоченным Сорокоума по рыжью и наладил скупку и доставку его в столицу. Далее «иван иваныч» уже сам продавал его в Германию и Австро-Венгрию через евреев-контрабандистов. Если догадка сыщика верна, питерский Мориарти не выдаст столь полезного человека. Можно уходить, беседа не получилась.

Конечно, Алексей Николаевич утаил свои мысли. Иначе Рудайтис догадался бы, что где-то возле него окопался лыковский освед. И сыщик сыграл обиженного. Он отодвинул тарелку с принесенным каплуном, встал и сказал резко:

– Так, значит? Вам теперь все можно? Ну, тогда и нам тоже все можно. Смотри потом, не пожалей.

И направился к дверям. Рослые парни опять вскочили и вопросительно смотрели на шефа. Тот махнул рукой: не мешайте, пусть уходит.

Так выстрел ушел в молоко. Но только на первый взгляд. Алексей Николаевич теперь знал, что разыскиваемый им злодей прячется под крылом Сорокоума. Это давало беглому, при возможностях «ивана иваныча», гарантию почти полной безнаказанности. Скорее всего, Рудайтис вывез разбойника из столицы и спрятал где-нибудь в провинции. Тем не менее шансы найти его есть. За Верлиокой установлено наблюдение, да и Суровиков в случае чего даст сигнал.

Прямо из «Бугорков» статский советник поехал на явочную квартиру на Газовой. По пути нанял «красную шапку»^[22] и передал ему записку для Суровикова: быть через час в известном ему месте. Когда они встретились, полицейский изложил агенту ситуацию и поставил задачу.

– Захар Нестерович, – сказал он, – дело трудное и опасное. Они убили агента сыскной полиции! Впервые за сорок семь лет ее существования. И Сорокоум даже не стесняется содеянного. Рамок нет, что хочу, то и ворочу. Не так мы с ним договаривались, не так. Видимо, полезность бывшего горнорабочего перевесила здравый смысл. Надо не только поймать убийцу, но и поправить мозги «ивану иванычу». Иначе он так далеко пойдет.

– Что я должен делать?

– Войти в золотые обороты бандитов.

– И каким образом? – старик нахмурил седые брови.

– Не знаю. Думай сам, соблюдай осторожность. Я понимаю, напрямки нельзя. Закинь удочки и жди, когда клюнет. Узнал же ты, что люди Сорокоума скупают краденое рыжье и возят его в Германию.

– Случайно однажды проговорился Верлиока. Второго раза может и не быть! Я продаю краденую мануфактуру, от рыжья стою далеко, и никто меня туда не пустит. Жди не жди, все равно не клюнет. Вы, Алексей Николаич, поручайте, что по силам. А не так...

– Адамова Голова, – напомнил старому головорезу его кличку сыщик, – не сердись. Делай, что по силам. Раздвинь только уши на всю ширину. Любая вскользь брошенная фраза, любая случайная оговорка – все мне на стол. Договорились? За сведения плачу премию.

Освед, получающий с продажи краденой мануфактуры от Рудайтиса три тысячи в месяц, только хмыкнул. Но тут же насторожился:

– Вы намекаете, что прижмете мою коммерцию? Больно много стал зашибать?

– Нет, что ты, – успокоил барыгу сыщик. – Уйдешь – мне нового придется искать. А где его взять? Торгуй, что с тобой поделаешь... Но уши навостри!

Глава 2

Про золото и платину

Поиски двух бандитов зашли в тупик. Но Лыков был убежден, что «золотой» след рано или поздно приведет к ним. Он договорился о встрече с консультантом Монетного двора действительным статским советником Нетгальгорстом. Моложавый, умный, обходительный, консультант понравился сыщику с первых слов.

– Что у вас за интерес к нашим махинациям? – спросил хозяин кабинета. – И называйте меня Франц Христофорович.

Гость ответил:

– Спасибо, а я Алексей Николаевич. Вы правильно сформулировали: именно махинации и нужны. Много у нас золота проходит мимо Монетного двора?

– Точный подсчет невозможен по понятным причинам. Кто вам скажет, сколько он украл? Но мы думаем, что до половины реальной добычи минует казну. И продается в нарушение закона на сторону.

– Куда?

– А это смотря какое золото, – усмехнулся Нетгальгорст. – Из Сибири и Приморья утаенный металл уходит главным образом в Китай, немного в Японию. Из Екатеринбурга – в Европу.

– Почему добытчикам выгоднее обходить казенные закупки?

– Цена другая, – пояснил действительный статский советник. – Ситуация меняется, но не радикально. Прежде была монополия государства на скупку золота. И цену казна держала низкую, причем десятилетиями. В тысяча девятьсот первом году политика вроде как изменилась. Вышел закон о свободном обращении драгоценного металла. Обязательную продажу шлихтового золота государству отменили. Требовалось сдавать его в казенную золотосплавочную лабораторию, но теперь лишь для очистки и апробирования. Потом можно было забрать его обратно в клейменных слитках либо

требовать за него ассигновки с уплатой денег из Государственного банка. Частным лицам разрешалось открывать собственные лаборатории для сплава золота и очистки самородной платины. Также дозволили свободный ввоз и вывоз золота за рубеж. Все это проходило в рамках денежной реформы Витте. Казалось бы, вот она, конкуренция и свободные рыночные отношения. Но все это на поверку оказалось пшиком.

– Но почему? – с недоумением спросил сыщик.

– А потому! Золото не медь и не чугун, чтобы отдать его на волю рынка. От цены «падшего металла»^[23] зависит денежное обращение империи. И скачки цен обрушили бы рубль. Поэтому правительство, ослабив на словах вожжи, на самом деле оставило контроль за собой. Оно по-прежнему устанавливает низкую цену на добытое золото, и скупщики не от казны вынуждены придерживаться ее. Чуть выше покупать с рук можно, а намного выше – нельзя. Министерство финансов сразу же прижмет. Поэтому подпольная продажа, в обход официальной, никуда не делась.

– И большая выходит разница в закупочных ценах?

Консультант ответил:

– Сегодня мы покупаем золото по пять рублей с копейками за золотник^[24]. А китайцы предлагали по девять и по десять рублей, сейчас же подняли до двенадцати! Вот добытчики и соблазняются.

Лыков записал цифры и продолжил расспросы:

– А в Европе сколько платят? Какие страны отличаются в незаконной скупке русского золота и как оно проходит таможеню?

– Через границу его тащат контрабандисты, евреи и чуть-чуть финляндцы. Больше всего покупает Германия. Роттердамские и венские ювелиры весьма охочи до золота, там тоже одни евреи. Словом, это их национальный промысел. Или, как говорят англичане, бизнес. Но цены в Европе более умеренные, выше девяти рублей за золотник не платит никто.

– И все равно выгодно?

Консультант пояснил:

– За морем телушка полушка, да дорог перевоз. Уральское золото в Поднебесную доставлять трудно, проще в Вену. Рентабельность все равно высокая.

– Так, понятно. Но какие объемы? Меня интересует канал именно в Европу.

Нетгальгорст зашелестел бумагами:

– В прошлом, тысяча девятьсот двенадцатом году, на Урале хорошо поработали. Казна купила пятьсот пятьдесят три пуда. Будем осторожно считать, что добыли и скрыли от государства половину от этого значения. Значит, двести семьдесят шесть пудов ушло за рубеж. Примерно...

– Ого! – сыщик присвистнул. – И на какую сумму можно предположить контрабандный вывоз?

– При цене девять рублей за золотник... – Консультант придвинул к себе счета и защелкал костяшками. – Это тянет...

Он получил итог и даже привстал:

– Действительно ого! Девять миллионов пятьсот тридцать восемь тысяч. Не может быть. Я, верно, обсчитался. Преувеличил объем краж.

– Боюсь, Франц Христофорович, что скорее преуменьшили.

– Алексей Николаевич! Как же это так? – консультант бессильно развел руками. – Нет, я обсчитался, прошу меня извинить. Миллион-другой куда ни шло, но девять!

– Точную цифру нам никогда не узнать, – примирительно сказал статский советник. – Ведь воруют золото не только старатели и горбачи^[25], верно?

– Увы, так и есть. Примерно поровну идет. Половину прячут от казны самостоятельные добытчики, а половину – управляющие приисков. Хотя...

Нетгальгорст опять защелкал костяшками:

– Уф... Все же я немного приврал. Посчитал чистое золото, а его надо сначала сплавить. В России три лаборатории: в Екатеринбурге, Благовещенске и Владивостоке. Если сплавлять в них официально,

Министерство финансов узнает. Поэтому контрабандисты чаще всего тащат через границу песок или самородки. И уже немцы потом делают рафинад^[26].

– То есть надо вычистить примеси, – сообразил сыщик. – На сколько уменьшаем ваши миллионы?

– В уральском золоте?

– Да.

– Зависит от месторождения. В самом большом, Березовском, надо вычистить в рудном золоте примерно семнадцать процентов. А в россыпном – все двадцать пять. Но ведь при очистке выделяются серебро и платина! Они тоже дороги. Нет, точный подсчет все-таки невозможен.

– А кто тайно сплавляет золото? – не унимался Лыков. – Если хочется вывезти уже чистый металл.

– Ювелиры с преступным складом характера, – ответил консультант и саркастически добавил: – Вы таких, возможно, и знаете по роду службы, а?

– Пяток найдется, Франц Христофорович, и это только у меня. На самом деле их десятки. Но действительно ли в частной ювелирной мастерской можно сплавить чистое золото, выгнав примеси?

– Разумеется. Если большие тигли и мощная печь.

Тут Лыков вспомнил, что на складе сбежавшего тряпичника нашли платиновую жезь. И поинтересовался:

– А что у нас с платиной?

– В каком смысле? – не понял Нетгальгорст.

– Монетный двор ее тоже покупает?

Тут консультант удивил сыщика:

– Нет, этот металл нас не интересует. Монеты из него давно не чеканят.

– У меня дома есть монета в двенадцать рублей с надписью «чистая уральская платина», – похвастался Алексей Николаевич.

– Теперь она предмет коллекционирования для нумизматов. Такие монеты выбивали с тысяча восемьсот двадцать восьмого по тысяча

восемьсот сорок пятый год. А потом прекратили.

– Почему?

– Чеканка обходилась очень дорого. А затем стоимость самого металла опустилась ниже номинала монеты. Ее стали подделывать за границей и ввозить в Россию. Чеканили трехрублевики, шестьюрублевики (они же дуплоны) и двенадцатирублевики (эти назывались квадрупли). Ваша самая редкая, всего их выпустили менее трех с половиной тысяч штук.

– Но неужели платина столь дешева?

– Цена на нее неустойчива, но постепенно растет. Все в руках англичан, а они делают, как им выгодно.

– Не понял. Какие такие англичане?

Нетгальгорст заговорил с досадой:

– Те, которые на острове сидят. Старые друзья русских, в кавычках, конечно. Дело в том, что платина тугоплавка, ее сложно спекать. Только в пламени гремучего газа. Технологию придумали в фирме «Джонсон, Маттей и Ко». И стали всемирными монополистами на много лет.

– Всемирными?

– Ах, Алексей Николаевич! Ведь платину в мире добываем только мы. Хотя она много где есть: в Бразилии, Перу, Испании, Ирландии, Калифорнии, на Гаити и Борнео. Но промышленное значение имеют лишь копи в Колумбии, в провинции Чоко. Целых четыре процента мировой добычи там выкапывают. А остальные девяносто шесть процентов идут с нашего Урала. Извлечь ее из земли русские могут, а распорядиться к своей выгоде – нет.

– Но почему? – недоумевал сыщик.

– Исторически так сложилось. Еще при Николае Первом правительство продало всю накопленную платину той же компании «Джонсон и Маттей». Нам некуда было девать металл, когда перестали чеканить из него монету. Англичане купили огромный запас и до сих пор на нем сидят. Поскольку регулируют закупочную цену, как им выгодно. А мы еще плохо умеем очищать от примесей.

Поэтому поставляем самородную платину за границу по бросовой цене. Хотя аппарат для плавления Сен-Клер Девиля давно известен...

Лыков решил разобраться до конца:

– Франц Христофорович, но ведь платина не золото. Монеты из нее не чеканят, украшения почти не делают. А на что она тогда нужна?

– Это благородный металл. Со всеми его редкими и ценными свойствами. Не окисляется! Растворяется лишь в царской водке^[27], и то очень медленно. Поэтому в прошлом веке ее использовали главным образом для изготовления химической лабораторной посуды, особо стойкой к реакциям. Кубы, реторты, перегонные аппараты, приборы, тигли, цедилки, а еще ложечки, шпатели, щипцы и прочее, что требуется химикам. Много платины потребляют дантисты. Еще она используется в телеграфном деле, в производстве часов. А в последнее время спрос увеличивается за счет электротехнической промышленности. Скоро он перевесит спрос со стороны химии. Значит, платина понадобится в большом количестве германцам, они сейчас главные фабриканты электрики. Кроме того, металл этот очень тягучий, из него можно получать тончайшую проволоку. Что весьма ценно при изготовлении взрывателей.

– Тоже немцы заинтересованы, – со знанием дела вставил Лыков. – Скоро начнется большая война, взрывателей понадобится много.

– Да? – осекся консультант. – Вы полагаете?

– Не я, военные. Они убеждены, что мирной жизни нам отпущено самое большее три года. Так что платина скоро будет дороже золота.

– Понятно...

– Что вам понятно? – насторожился сыщик.

– Очень выросла ее контрабанда в последнее время. Примерно триста пудов с Урала ежегодно продают за границу законным образом, через таможеню. Преимущественно во Францию и Англию, как я говорил. И до ста пудов везут контрабандой в Германию. А

раньше тащили едва-едва тридцать пудов... Самый большой завод по очистке платины находится в Сен-Дени, в пригороде Парижа. Но, говорят, немцы строят завод еще больше. Готовятся к войне?

– Не иначе.

Собеседники помолчали, затем статский советник вновь взялся за карандаш:

– Так сколько стоит платина нынче? Она ведь дешевле золота?

– Пока да. Золото идет за пять с полтиной, а платину еще можно купить за четыре рубля двадцать копеек. Это в Пермском горном округе. На приисках Бурдакова и у наследников Демидова – уже четыре рубля восемьдесят копеек. И цена все время растет! Как будто кто-то искусственно толкает ее вверх.

– Толкает постоянно повышающийся спрос, – предположил Алексей Николаевич. – Сами говорите: электротехническая промышленность на подъеме.

– А вы дополняете: война на носу, – парировал Нетгальгорст.

– Вот и все нехитрое объяснение, – вздохнул сыщик. – Как говорят экономисты, спрос рождает предложение. А казна закупает платину?

– Нет, только золото. Платину сплавляют в лабораториях, забирают в казну три процента в качестве государственной подати, а остальное возвращают добытчику. И тот делает с ней, что считает нужным.

– Преимущественно отсылает за границу?

– Не всю, – поправил статского советника действительный статский. – Здесь, в Петербурге, в Тентелевой деревне уже тридцать лет действует химический завод, который перерабатывает платину. Из нее изготавливают ту же химическую посуду, фотореактивы, тигли, проволоку, а еще капсулы для подрывных патронов. Потом, в последнее время ее чаще стали использовать в ювелирном деле. Но большая часть «белого металла» действительно идет на запад. Стоит ли тогда удивляться, что наша золото-платиновая промышленность почти целиком находится в руках иностранцев.

– Кого именно? – опять принялся конспектировать Лыков.

– На первом месте французы, их «Платино-промышленная анонимная компания», сокращенно ППАК, крупнейшая на Урале. Начали они со скупки приисков виконта де Прозенса Вийера, а сейчас заняли чуть не весь Верхотурский уезд. Затем идут англичане, и в конце бельгийцы.

– А германцы?

– Германцы спохватились позже всех, – пояснил Нетгальгорст. – Но спохватились, я вижу... Существует международный синдикат по скупке платины. ППАК с ним воюет: то входит в его состав, то выходит обратно. Хитрая германская компания «Гереус» тихо и незаметно прибирает дело к рукам. Очень выгодное дело с очень перспективным будущим.

На этих словах он вынул из жилетного кармана часы и щелкнул крышкой. Сыщик понял, что пора заканчивать разговор.

– Франц Христофорович, давайте резюмируем, – сказал он. – Как я сумел понять, золото и платина являются у нас в России объектом контрабанды. И оборот ее идет на миллионы. Так?

– Так.

– Но почему нельзя отсечь гадине голову? А именно взять и повысить казенные закупочные цены до уровня рыночных? Тогда все операции с благородными металлами перейдут в законное поле.

– Я же говорил, – нахмурился консультант, – что тогда мы подорвем курс рубля. Вот, глядите!

Он порылся в бумажнике и выложил золотую пятерку.

– Это самая мелкая наша золотая монета. Вес ее равен аккурат золотнику. Который мы сейчас уже покупаем за пять рублей пятьдесят копеек! То есть больше номинала пятишницы. Пока нас выручает лишь наличие лигатуры^[28]. И то уже балансируем на грани себестоимости. А если повысить цены, как вы предлагаете, то мы обрушим рубль. Придется вводить двойной его курс: бумажный и золотой. Вся реформа Витте насмарку.

– Начнется война, и введем, – вздохнул Алексей Николаевич, убирая блокнот. – Никто не позволит, чтобы в условиях военных

действий драгоценные металлы утекали к противнику. Или снова объявим монополию на скупку по твердым ценам.

– Война... – пробормотал действительный статский советник и поднял глаза на сыщика. В них был страх.

Глава 3

Все началось с «тряпезонов»

Лыков изложил свои соображения начальнику ПСП. Граф Платов занимался в городе операциями с драгоценными металлами. Видимо, по поручению главного столичного злодея. Вот подсказка, которая должна дать след.

В свое время, установив личность Мориарти неевского разлива, Алексей Николаевич сообщил об этом директору Департамента полиции Белецкому. Тот заинтересовался, но не сильно: политический сыск забирал все его внимание. С разрешения шефа Лыков ввел в курс дела трех сослуживцев: Лебедева, Филиппова и начальника ПОО^[29] полковника фон Коттена. Министру и его товарищу полицейские ничего сообщать не стали.

Теперь Филиппов, который вел за «иваном иванычем» собственное наблюдение, толкнул дело. И самым неожиданным образом. Выдающийся сыщик и большой знаток столичного дна, он понял главное: для масштабной скупки золота Рудайтису нужна сеть комиссионеров. Выйти на нее сразу не получится, следует тянуть ниточку с конца. И Владимир Гаврилович приказал взяться за «тряпезонов».

§

Так именовали преступный промысел, которым занимались те же тряпичники – отсюда и название. Люди с мешками стояли на перекрестках главных торговых дорог. Не парадных проспектов, а тех, по которым ломовики возили товары. Они махали едущему обозу, возницы останавливались и ссыпали жуликам в подставленные мешки то, что находилось на качке^[30]. Мука, овес, вата, рис, хлопок, медь, сахар – все шло в дело. Тряпичники тут же расплачивались и уходили с добычей. Воровство происходило прямо на улицах, на виду у множества людей, включая постовых

городовых. Обнаглевшие «тряпезоны» никого не стеснялись. Пропажу одного-двух пудов груза хозяева не замечали или махали на мелкие потери рукой. Но из таких пудов складывались уже значительные обороты. Рядовые воры приносили slam в склады тряпичных артелей, где итоговая добыча считалась уже на десятки и сотни пудов. Покупать их на Обводный канал приезжали нечистоплотные магазинщики. Власти замороженно наблюдали за происходящим и ничего не делали.

Владимир Гаврилович дал команду, и за мешочников взялись сыскные. Нажали как следует: счет арестованным пошел на дюжины. Их хватили на месте преступления, за компанию с ломовиками, и доставляли на Офицерскую. Там допрашивали и быстро отправляли в Домзак. Кражи вроде бы мелкие, мировой судья приговорит к месяцу арестного дома, но до передачи дела судье пройдет время. Человек кукует в цинтовке, а дома семья без куска хлеба... Сыскные готовы войти в положение, но говорят: заслужи свободу. Расскажи, как у вас устроено воровство, кто главный, кто на подхвате, куда девается товар. Не знаешь? Тогда сиди. У следователя таких, как ты, много, к зиме дойдут руки и до тебя... И самые слабые начали давать показания. Уже через несколько дней Филиппов столько знал о тряпичных королях, сколько за десятилетия не доходило до полиции. Но его интересовали крупные деловики, те, кто мог по своему масштабу заниматься фиксом^[31]. Цепочка постепенно складывалась, одно ее звено тянуло за собой другое.

Сначала в нехорошем трактире «Золотая нива» на Мало-Царскосельском проспекте по наводке «тряпезонов» арестовали крайне опасного вора-взломщика Ивана Гусева. Этот крестьянин Лужского уезда Петербургской губернии славился тем, что всегда ходил с ножом. А при задержании оказывал полиции вооруженное сопротивление, что не свойственно русским фартовым. При воре обнаружили ломбардные квитанции на украденные им вещи. Мужское пальто на кошачьем меху с воротником из стриженной лисицы, кофта выхухолевая на атласе, оленье полупальто...

Подсказку дала самая дорогая находка – шинель драповая на вате с мерлушковым воротником шалью. Такую стянули у самого действительного статского советника Елисеева! Григорий Григорьевич возглавлял торговое товарищество «Братья Елисеевы», а еще массу других обществ. Конезаводчик, виноторговец, банкир, владелец пивоваренного завода, парфюмерной фабрики, завода по изготовлению автомобилей... Потомок оборотистых ярославских крестьян стал гласным Думы, был возведен в дворянство и носил Владимира на шее. Магнат первый сорт. А за копейку удавится.

Беседу с вором провел коллежский регистратор Кренев, любимый сыщик Лыкова в ПСП. Человек умный и хваткий, опытный и храбрый, Сергей Николаевич вырос из надзирателей в исправляющие должность районного чиновника. Кренев расписал Гусеву перспективы. За ношение ножа ему светит всего месяц тюрьмы. А вот за кражу со взломом, да еще у Елисеева – рештак^[32] года на четыре. С последующим запретом жить в Петербурге. Навечно! Однако можно смягчить участь, если вор ответит на некоторые вопросы.

Опасный на воле, в кутузке взломщик сдулся и дал правдивые показания. Сыщиков интересовало, кто из столичных маклаков скупает золото и платину. Вот, к примеру, куда делись золотые часы-браслет^[33], что Ванька стырил у его превосходительства? Насчет платины Гусев лишь развел руками. А насчет золота назвал Кольку Таракана – Николая Тараканова, известного маклака с Белозерской улицы. Что важно, вор выдал вторую квартиру перекупщика, которую тот скрывал. Полиция наведальась туда и обнаружила огромную кладовую, забитую купленными у «красных»^[34] вещами. Одних только пальто там насчитали более двухсот! А еще много другого, включая даже швейные машины и аппараты для истребления клопов паром^[35].

Таракан быстро сломался и выдал старшего поделщика, блатеркаина Элью Дворшака по кличке Эльюшка Жид шпареный.

Шлиссельбургский мещанин был давно известен полиции. Он отсидел два года в исправительных отделениях, после чего поселился где-то на Севере. А вот чего сыщики не знали, так это того, что Дворшак тайно вернулся в Петербург и открыл на подставное имя лавку на Александровском рынке. И опять взялся за скупку краденого.

Кренив несся по следу семимильными шагами. Он нагрянул к Эльюшке и захватил еще один подпольный ломбард, доверху набитый сламом. Внимание Сергея Николаевича привлекли долевые весы с клейменными разновесами^[36]. Увидев их, он сразу телефонировал Лыкову.

Вдвоем сыщики насели на маклака. Тот был прожженный, долго упирался и грозил пожаловаться прокурору. Фараоны в ответ смеялись. Алексей Николаевич сел разбирать ломбардные квитанции и наткнулся на знакомую вещь. Серебряный портсигар с красным камнем, выкованный в форме самородка! Такой пропал у зарезанного зимой поручика лейб-гвардии Саперного батальона. Убийц до сих пор не нашли, и вот предмет, принадлежавший жертве, обнаружился у скупщика.

С этой минуты участь Дворшака была решена. Он сразу понял, куда выворачивает: укрыватели убийства по закону получают наказание тремя степенями ниже главных виновных. За гвардейского поручика исполнителям светит каторга второй степени, то есть от пятнадцати до двадцати лет. А укрывателям, стало быть, пятой степени – от восьми до десяти. Это не в Литовский замок^[37] на пару годков, тут кандалы наденут, и надолго. И маклак сдал убийцу – того самого Графа Платова, за которым охотился Лыков. Заодно Жид шпареный сообщил, что является средним в иерархии маклаков. Ему достаются лишь объедки от пиршества самого Шифа, а вернее, та покража, от которой Шиф отказался.

Так сыщики вышли на главного в столице барыгу, о котором полиция до той поры не имела обличающих его сведений. Очередной шлиссельбургский мещанин Мовша Пинхусов Шиф

держал в доме № 9 по Сытнинской улице магазин часов, золота и серебра. Репутация его стояла невысоко: в магазине несколько раз задерживали воров. Однако попадались они без краденого, предъявить ни им, ни барыге было нечего. Но на сей раз Кренин с Лыковым нагрянули на Сытнинскую ночью. Успех превзошел все их ожидания – сыщики накрыли пещеру Аладдина. Главное, что в задних комнатах спокойно спала целая воровская шайка. На столе стояли бутылки с водкой, лежала закуска – хевра находилась на длительном постое. А под вырубкой^[38] обнаружилось в большом количестве инструменты для взлома: коловороты, сверла, фомки и тому подобные предметы. Оказалось, что скромный торговец в золотых очках, с лицом знатока Торы являлся главарем огромной преступной организации. Он управлял сразу несколькими бандами громил: снабжал их воровским инструментом и паспортами, покупал краденое, кормил и поил в долг, давал наводки, планировал крупные налеты, обеспечивал кров и ночлег. Такого петербургская полиция еще не видывала.

В магазине спящими были схвачены Василий Антонов (Васька Страус), Петр Печинский (Чинуша) и Иван Валвенкин (Ванька Чухна) – давние знакомые сыщиков, квартирные громилы в розыске. А в комнатах отыскалось несколько тысяч краденых вещей, от терракотовых статуэток до золотых перстней с бриллиантами. Нашелся даже чугунный съём для сапог весом два пуда, похищенный из Пажеского корпуса. Обыск и изъятие слама шли до конца следующего дня. Сыщики вели свою работу тихо, и в поставленную засаду к вечеру угодило множество других гренадеров Мовши Пинсуховича. Их доставили на Офицерскую, и весь наличный состав отделения сел заполнять листы задержания.

Гости сыска составляли цвет воровского мира Петербурга. В дополнение к уже попавшимся были задержаны Зиновий Корнилов (Зинка), Александр Трей (Сашка Жид), Александр Гавриков (Татарин), Михаил Кудачков (Мишка Суслик), Георгий Фадеев (Галенок), Иван Веселов (Ванька Козел), Александр Константинов (Сашка Кондитер),

Николай Протасов (Колька Солдатик), Михаил Богданов (Чижик), Дмитрий Николаев (Пушкарь) и Павел Суслов (Лапа). Все они давно значились в картотеке ПСП. И теперь попались с поличным, с воровскими инструментами, с добычей. Намечался крупный судебный процесс, причем доказательная часть обвинения обещала большие перспективы.

Сыщики вздохнули с облегчением. Каждое лето они играли с ворами в догонялки. Жители уезжали на дачи, поручая надзор за пустыми квартирами дворникам. Ну а те живые люди... То напьются, то отлучатся, то не заметят за работой шмыгнувших в подворотню домушников. А иной раз и пустят их за мзду. Затем умелые ребята высверливают дыру в двери черного хода, просовывают в нее проволоку и сбрасывают наложенный изнутри крючок. Проникают в жилище, спокойно его обчищают и уходят к маклакам. Из парадного все выглядит нетронутым. Пока, спустя недели, приедут с дачи жильцы, пока они хватятся пропажи, пока принесут списки похищенного в полицию – вещи те уже проданы и сменили не одного владельца. Самый результативный поиск – по горячим следам – невозможен. Лето давало «красным» фору. В мастерских тряпичников портные с утра до ночи перешивали одежду, спарывали метки, затем перекрашивали – в результате вещи уже было не узнать. А в мастерских нечистоплотных ювелиров с краденых украшений (портсигаров, брелоков и колец) стирали дворянские короны, монограммы и дарственные надписи. Именно в дачный сезон служба сыщиков была наименее успешна. Но теперь им попались самые удачливые и опытные домушники. Количество квартирных краж в Петербурге сразу пошло на убыль.

В кабинете Кренева устроили большую выставку. Найденные у барыг вещи разложили на столе, в шкафу, на подоконнике и даже на стульях. Потерпевших через «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции» пригласили на опознание. Люди толпились с утра до вечера, ахали, писали заявления...

Когда притон накрыли, соседи рассказали сыщикам, что творилось в магазине и возле него. Громилы приходили средь бела дня с узлами и корзинами, набитыми добычей. Прямо на улице шел торг. На глазах у дворника из узлов извлекали краденое, и маклак начинал торговаться. Часть он сразу покупал за бесценок, а часть сдавал в ломбарды. У Шифа имелся помощник, старший приказчик Ной Горель, сам в прошлом вор. Он прошел арестантские роты, был лишен столицы и жил под чужим именем. Горель разносил краденое по ломбардам, сдавал его, вел учет срокам и деньгам, менял квитанции и залоги. Еще к Шифу приходили другие маклаки, рангом ниже, и разыгрывали между собой то, от чего он отказывался. А воры, получив наличность, становились к магазинщику на постой. Начинались пьяные разгулы, песни под гармошку, водка лилась рекой... Все это безобразное околотовый надзиратель и участковый пристав странным образом не замечали.

В сбыте помогал и бывший дворник дома № 11 по Матвеевской улице Александров, отставленный от должности за преступный склад ума. В его камерке нашли около сотни серебряных вещей: часов, папиросников, столовых приборов.

Лыков с Филипповым крепко взяли Шифа в оборот. Тот продержался два дня, после чего стал давать признательные показания. Грандиозный притон, в котором обитала чуть не половина столичных воров, не мог существовать просто так, благодаря везению блатер-каина. Алексей Николаевич показал ему фото Сорокоума и спросил с нажимом:

– Это твой хозяин?

Мовша понурил голову:

– Он же меня живьем съест...

– Расскажи без протокола, в акт дознания не войдет. Но признаться нужно.

– Зачем вам мои слова без протокола? Нет, вы меня обманываете!

– Ты все равно потом на суде откажешься.

Шиф вскинулся:

– Конечно, откажусь. Господа, не спрашивайте меня об этом человеке, он страшнее черта. О чем хотите буду говорить, только не о нем.

– О чем хотим? – Лыков сделал вид, что заинтересовался. – Ну, давай о золоте с платиной. Ты продавал его Графу Платову, то бишь Матвею Шелашникову?

– Да, – сразу признался маклак. – Такое было условие... человека, о котором я не хочу говорить. Он интересуется золотом, и особенно платиной, в любом состоянии. Лом, слитки, шлихтовый песок, самородки, рудный концентрат, монеты, ювелирка, оклады с икон – все берет. Видимо, имеет собственную золотосплавочную лабораторию. Тайную, конечно. А Шелашников – его приказчик по рыжью, я с ним имел дело. До недавнего времени.

– А когда это поменялось и почему? – ухватился за последнюю фразу Филиппов.

– Неделю назад меня вызвали... ну, туда.

– На угол Большой Колтовской и Корпусной? – назвал адрес «ивана иваныча» Лыков.

– Да. Все-то вы знаете...

Шиф немного успокоился и рассказал о своей беседе с Сорокоумом. Тот сообщил, что Граф Платов временно перестает быть его уполномоченным по рыжью. Вместо него ювелиру придется иметь дело с другим человеком. И позвал старика с седой бородой, который назвался Ногтевым (это был Верлиока). Они обсудили цены. Хозяин пожурил гостя за то, что тот мало сдает платины. И сказал: этот товар мне нужен позарез, можешь поднять закупочную цену до пяти рублей за золотник.

Шиф уточнил: чистой платины не достать, в Петербурге, как и по всей России, встречается только самородная – вы назвали цену на нее? Сорокоум спросил: а сколько там будет примесей? Маклак ответил: в среднем семнадцать процентов. «Иван иваныч» решительно объявил: покупай самородную за пятерину и не держи у себя, сразу доставляй Ногтеву.

Алексей Николаевич вспомнил беседу с экспертом Монетного двора и остановил рассказ арестованного:

– Неужели Рудайтис...

– Кто, простите?

– Ну, тот, про кого ты не хочешь говорить, научился плавить «белый металл»? Говорят, это трудно.

– Так в Тентелевой деревне целый завод умеет спекать чистую платину, – напомнил маклак.

– Думаешь, он там выгоняет примеси?

Шиф пожал плечами:

– В России больше нигде нет таких горелок, я узнавал. Или везти ее за рубеж и продавать там со скидкой.

Лыков навис над арестованным и сказал с угрозой:

– Последний к тебе вопрос. И не вздумай юлить – за твою пещеру Аладдина знаешь, сколько тебе светит?

Ювелир молча смотрел на сыщика.

– Дай подсказку, – потребовал тот.

– Какую? – Шиф с испугу перешел на шепот.

– Где нам взять...

– Не знаю я, клянусь чем хотите, не знаю!

Алексей Николаевич дал еврею прокричаться и закончил:

– ...где нам взять Графа Платова.

– Ну...

– Ты думал, я требую сдать Сорокоума? Нет, конечно, иначе тебе не жить, мы понимаем. И где его взять, я знаю без тебя. А эту гадину сдай. Он убил надзирателя сыскной полиции. За такое мы всех, кто откажется помочь, закопаем. Сообразил?

Шиф долго мялся, пробовал отговориться незнанием, но сыщики были непреклонны. Или сведения, или тебе конец. В сырой карцер на хлеб и воду. Пока дело дойдет до суда, чахотка обеспечена. Каторгу не присудят, только Литовский замок, но из него ты не выйдешь. Когда начнешь харкать кровью, раскаешься, что не стал сотрудничать, но будет уже поздно.

Ювелир капитулировал. Он рассказал, что встречался с бандитом в одном из «пчельников» – уголовных трактиров-притонов. Столица славилась такими заведениями, куда приличному человеку лучше не соваться. Чаще всего свидания происходили в «Туле».

Филиппов, специалист по значным местам, тут же уточнил:

– Какая имеется в виду? Есть трактир «Тула» в Первой роте Измайловского полка. А есть чайная «Тула» на Фонтанке у Семеновского моста. И там, и там «пчельник».

– Мы встречались в чайной. Наверху, в чистой комнате.

– И?

– И мне показалось, что Граф Платов обитает поблизости.

– Почему возникла такая догадка?

Ювелир пояснил:

– Я приходил в назначенное время, а «иван» всегда опаздывал. Не сразу, но стало мне понятно, что он боится засады. Осторожный. Его люди наблюдали за мной. Убедившись, что все чисто, они давали Платову сигнал: все в порядке, можешь приходить. И он появлялся ровно через десять минут после меня.

– Десять минут, – обратился Алексей Николаевич к Владимиру Гавриловичу. – Можно примерно прикинуть район его обитания.

– Да, если только Граф Платов не сменил квартиру.

– Найдем нору – возьмем след, – наставлял один статский советник другого. Однако начальник ПСП оптимизма чиновника Департамента полиции не разделял.

– Тухлый след никуда не выведет, – махнул он рукой. – Ты вот что, Шиф. Давай не темни. Вижу, что-то недоговариваешь. Выкладывай.

– Еще только одно, – опять перешел на шепот ювелир. – Не сам «иван», а его товарищ, тряпичник...

– Сусальников?

– Да. Он никакой не Сусальников, кстати сказать...

– Без тебя знаем, – перебил Шифа Алексей Николаевич. – Его фамилия Пиньжаков, и он бандит в розыске. Не тяни, переходи к сути.

– Баба есть у него.

Сыщики сделали стойку «пиль!»:

– Ну-ну, продолжай.

Маклак наконец заговорил. Видимо, он решил откупиться от сыскных, сдав им мелких фигур. Лишь бы не спрашивали про самого Сорокоума.

– Баба прожженная, как зовут ее, я не знаю. Но когда мы в последний раз сидели втроем в «Туле», Сусальников проболтался. Она-де обработала хороший зорик. Это ведь означает дело, преступление, так?

– Верно, – подтвердил Лыков.

Ювелир продолжил:

– То был не просто зорик, а мокрый, с убийством. Лишь это тряпичник успел сказать. Граф Платов показал ему кулак, и тот замолчал.

Шиф выдохнул, поднял на полицейских затравленный взгляд и закончил:

– Теперь все. Честное слово, все.

Глава 4

Платина не горит и не тонет

Арестованного увели, а сыщики взялись за бумаги. Филиппов по памяти назвал все убийства, которые произошли в столице и окрестностях за последние месяцы.

Три преступления он сразу отмел. В доме № 69 по Кронверкскому проспекту в своей квартире была зарезана богатая вдова Александра Новицкая. Злодейство на столь уважаемой улице наделало в столице много шума. Но сыщики были близки к его раскрытию: они подозревали швейцара Василия Селезнева.

Далее, на Ново-Сивковской улице в Петергофском участке был убит сын содержательницы квартиры проституток Павел Иванов, двадцати трех лет. Его зарезали в собственном дворе местные хулиганы. Их фамилии сыщики уже выяснили, шли аресты.

На Александровском проспекте размозжили голову сторожу городского питомника двадцатичетырехлетнему крестьянину Алексею. Сделали это «грязевские», шайка горчичников^[39] из Волынкиной деревни. Сторож выгнал одного из них за приставания к посетителям. Тот сбегал за подмогой. Негодяи явились впятером: Васька Длинный, Мопик, Рабочий, Кобель и Костя Кондуктор. Второго сторожа они прогнали в питомник, а обидчика забили до смерти железными прутами. Дознание вот-вот должно было установить местонахождение убийц и арестовать их.

Еще четыре убийства оставались нераскрытыми. На Пороховых, по Пятой линии, возле полотна Ириновской железной дороги был найден труп мужчины с колотыми ранами в груди, без документов, с вывернутыми карманами. Личность жертвы до сих пор установить не удалось.

Второе тело со следами насильственной смерти обнаружили в Первом стане Петербургского уезда, возле кирпичного завода

Кузьмы Захарова. Дознание и тут буксовало: ни улики, ни подозреваемых.

Третий случай произошел в Екатерининском парке в одно из воскресений июня. Там во время гуляний человека столкнули с плота перевоза в речку Екатерингофку. Среда бела дня, у всех на глазах. Несчастный утонул, тело его потом отыскали возле Грязных островов. Это оказался Сидор Ананьин, мастер с близлежащего Путиловского рельсопрокатного завода. Кто и зачем угодил Ананьина, оставалось загадкой. Убийца спокойно сошел с плота и скрылся в парке, никто из зевак не решился его преследовать.

И наконец, четвертый труп нашли две недели назад в водном резервуаре портовой ветки Николаевской железной дороги. Он был опознан как Иван Агуренков, тридцати лет, петербургский мещанин, ремингтонист^[40] акционерного общества крахмального завода «Слон». Сам завод находился в селении Буслав Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. А правление располагалось в доходном доме Зимина по Правой Тентелевой улице.

– Там находится химический завод, в котором фабрикует изделия из платины, – остановил приятеля Лыков. – Думаешь, это просто совпадение?

– В такие совпадения я не верю, – ответил Филиппов. – Ты прав, надо поковыряться в этом деле. Неужто и здесь наследили наши пермяки?

– Скорее они екатеринбуржцы, – поправил коллегу Алексей Николаевич. – Не съездить ли мне туда? Уездный город, а такими делами в нем занимаются...

Начальники поручили дело подчиненным. Тентелева деревня числилась в Московской волости Петербургского уезда, в пределах Петергофского пригородного участка. Туда поехали Кренев и Азвестопуло. Перед этим у Лыкова вышел с помощником серьезный разговор. Пока Сергей был в отпуске, разразился скандал. Каранданис, содержатель кухмистерской на Казанской, 26, пожаловался градоначальнику, что у него вымогают деньги в обмен

на защиту от санитарного надзора. И делают это два грека – помощник пристава Второго участка Казанской части штабс-капитан Лагорио и коллежский ассессор из Департамента полиции Авестопуло. Заявление было серьезное; если бы обвинение подтвердилось, виновных ждало бы отчисление от должности по третьему пункту^[41].

§

Помощник сперва взвился: где он и где санитарный надзор? Потом стал возмущаться, как это грек на грека может возвести такую напраслину. Алексей Николаевич настаивал. Он чувствовал, что Сергей темнит, что он действительно вымогал. Уж очень это в характере Авестопуло. Если можно сжульничать по мелочи, тот своей выгоды не упустит. Не раз уже шеф ловил своего помощника на темных делишках, на грани дозволенного. Но этот случай превосходил предыдущие.

– Ты хоть понимаешь, что вылетишь со службы? А как меня подведешь, если слова Каранданиса окажутся правдой? Во-первых, стыда не оберешься. А во-вторых, с кем я тут останусь? Столько в тебя вложил, научил, воспитал. Преемника себе растил. И что?

Авестопуло пробовал было завести старую песню «у нас лесных имений нет», но шеф смотрел так, что помощник сник. Он скинул маску гаера и сказал, глядя в пол:

– Прошу меня простить. Больше не повторится. Клянусь!

Алексей Николаевич вспомнил все, что связывало его с Сергеем, и смягчился. Лично он помощника быстро простил. Но как быть с делом? Ему дали официальный ход, и теперь кухмистер просто так не замолчит. Прокурор открыл предварительное следствие. Маклаков^[42], как следовало по закону, тут же назначил служебное дознание. Колесо Фемиды завертелось.

Первым делом Лыков обратился к директору департамента. Белецкий выслушал его и сказал: мои фонды наверху упали, иди и договаривайся сам. Нужные бумаги я подпишу.

Алексей Николаевич записался на прием к товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией генерал-майору Джунковскому и честно изложил ему ситуацию. Да, его помощник провинился. Молодой, нищий, да еще грек – решил помочь соотечественнику за мзду. Дальше разговора дело не пошло, но разговор был. При желании можно назвать это вымогательством и выгнать человека. Но вот стоит ли? Опытный и битый, несмотря на молодость. Контузия и два ранения, орден за храбрость, маленькие детки... Оступился, бывает. Но лучше бы простить. Сергей божится, что больше такого не будет никогда. Он, Лыков, просит замять дело и оставить помощника на службе под его, Алексея Николаевича, личную ответственность. Если, не дай Бог, случится рецидив – они вместе уйдут.

Джунковский сразу понял, что теперь у него есть хороший крючок, чтобы зацепить Лыкова и долго не отпускать. Заставить отработать долг, например. Иметь в дебиторах лучшего сыщика министерства – это не пустяк. Может завтра пригодиться. А взамен всего ничего – отвести подозрение от его помощника. И Владимир Федорович сказал:

- Хорошо, я помогу. Под вашу ответственность!
- Буду весьма обязан, ваше превосходительство.
- Вот-вот, не забывайте этих слов. Мы поступим так...

По закону, если открывалось предварительное следствие по делу чиновника, его начальство начинало собственное внутреннее дознание. И если не находило вины подчиненного, то вправе было отказать прокурору в продолжении следствия. Тогда обвинение могло либо биться дальше, оспаривая решение оппонента в Сенате, либо согласиться и закрыть следствие. Джунковский пояснил сыщику:

– Щегловитов вместе с нашим министром и Сухомлиновым^[43] создал в правительстве блок. И выступают заедино против своих политических противников. Не станет Ванька Каин^[44] ссориться

с Николаем Алексеевичем из-за какого-то там коллежского асессора. Я поговорю с министром. Думаю, мы отобьем вашего грека. Но...

– Владимир Федорович, все, что будет в моих силах!

– Ну-ну. И вообще, приглядывайте лучше за своим помощником.

То его найдут без штанов у трупа шлюхи^[45], то он взятки вымогает...

Джунковский встал:

– Скоро доклад у министра. Телефонуйте мне напрямую через три часа.

– Слушаюсь. И благодарю.

Ближайшие три часа Лыков с Азвестопуло провели как на иголках. Затем статский советник пошел к секретарю товарища министра Сенько-Поповскому. Умный и доброжелательный, тот со всеми поддерживал хорошие отношения. Леонид Андреевич, увидев сыщика, молча протянул ему лист бумаги. Это оказалось отношение министра внутренних дел на имя министра юстиции. В нем Маклаков извещал Щегловитова, что проведенное им служебное дознание не подтвердило вину коллежского асессора Азвестопуло. И министр не дает согласия на предварительное в отношении подозреваемого следствие.

Дав статскому советнику дочитать документ до конца, Сенько-Поповский сообщил:

– Это не все. Владимир Федорович велел вам передать, что Щегловитов устно согласился прекратить следствие. Завтра об том будет документ за его подписью. Так что передайте Сергею Маноловичу мои поздравления. Не сомневаюсь, что обвинение было ложным.

На этих словах секретарь приятельски подмигнул Лыкову. Мол, ложным или нет, теперь кому какое дело?

Поблагодарив Леонида Андреевича за хорошие новости, статский советник чуть не бегом отправился к себе. Азвестопуло ходил по кабинету взад-вперед, смоля папиросу.

– Ну? – спросил он срывающимся голосом.

– Доставай метаксу.

– Правда?..

– Сенько показал отношение нашего министра Ваньке Каину. Служебное дознание вины Азвестопуло не обнаружило, Маклаков против следствия. На словах Щегловитов обещал закрыть дело, завтра пришлют соответствующую бумагу.

– Уф...

Грек сел и долго приходил в себя. Он едва не разрыдался. Потом встал и с чувством заявил:

– Спасибо, Алексей Николаевич. Я ведь понимаю, кому обязан защитой. Повторю, клянусь здоровьем жены и детей, больше вам не придется за меня краснеть. Спасибо!

– Ладно, списали на убытки, как говорит Титус. Я дал долговую расписку Джунковскому. Он заставит отработать. Учти это.

– Все, что смогу!

Назавтра после этого разговора Азвестопуло с Крениным явились в дирекцию крахмального завода со странным названием «Слон». Их встретил директор с еще более странной фамилией Кефели-ага. Особенно если учесть, что звали его Яков Давидович.

– Господа, я вас ждал. Как идет дознание по печальному поводу – убийству нашего сотрудника? Ваши люди пришли сюда один раз, допросили всю дирекцию вплоть до швейцара и удалились. С тех пор ни слуху ни духу. Я, признаться, полагал, что убийства у сысской полиции на особом счету. И на Офицерской, простите, землю носом роют.

Кренин бодро сообщил:

– Так мы и роём. Вот, к вам пришли.

– Я весь внимание.

Сыщики сели напротив директора и стали задавать вопросы. Тот быстро понял, куда клонят гости. Они интересовались личной жизнью убитого ремингтониста. Холостяк, тот вел себя свободно, то и дело меняя любовниц. Жалование он получал небольшое, однако на белошвеек хватало. Но не завел ли Агуренков накануне несчастья какую-то новую пассию? Что знают об этом сослуживцы? И еще, есть

ли связь между правлением «Слона» и Тентелевским химическим заводом? Ведь его корпуса прямо за забором. Может, у Ивана были там приятели?

– Это вам надо к Диковскому, – заметил директор.

– Давайте вашего Диковского.

Кефели-ага вызвал кассира, что сидел с убитым за соседним столом, и адресовал вопросы ему. Спокойный, наблюдательный, уже в возрасте, человек этот оказался находкой для сыщиков. Он сообщил много интересного. Насчет приятелей Агуренкова на химическом заводе Диковский сказал:

– Да, был там у Вани душевный собеседник, они часто вместе по бабам шатались. Не разлей вода! Его потом утопили.

Полицейские недоуменно переглянулись. Кренев сообразил первый:

– Это вы про мастера с Путиловского завода? Про Ананьина?

– Да. Сидор прежде на химическом работал, в платиновой лаборатории. Вдруг неожиданно взял расчет и устроился на Путиловский. Встречаться им с Ваней стало затруднительно...

Азвестопуло склонился к нему:

– Почему Ананьин взял расчет? Ремингтонист не пояснил?

– Внезапно все вышло, – так же спокойно продолжил Диковский. – Иван был очень напуган. Намекал, что и ему лучше бы спрятаться. Видать, какие-то у них там были темные дела.

– Один уволился, второй напугался и хотел спрятаться, – как бы сам себе под нос прокомментировал Кренев. – А потом обоих убили.

В кабинете повисла тишина. Директор зашипел на кассира:

– Агафон Павлович, что же вы раньше молчали?

– А что я должен был сказать, Яков Давидович?

– То, что сейчас говорите.

Диковский посмотрел на директора с плохо скрываемой насмешкой:

– Да? Дело дурное, двоих кокнули. Быть бы мне третьему? Спасибо за совет. Наше занятие – гнать крахмал.

– Не иначе, эти двое на пару снарили ^[46] что-то с завода, и легко догадаться, что именно, – обратился Сергей к коллеге, имея в виду платину.

Кренив ответил:

– Так и было. После чего пришлось брать расчет. Вот только ошибся мастер. Надо было спрятаться и отсидеться год-другой. А он устроился на соседний завод, думал, его там не найдут. Вот дурак...

– Последний вопрос к вам, господин Диковский, – взял слово Азвестопуло. – Женщин покойного вашего сослуживца вы случайно не видели?

– Случайно видел, – невозмутимо ответил кассир.

– Очень хорошо. А кто они? Как звали? Нет ли особых примет или иной какой информации?

– Информация, изволите ли знать, такая. За месяц до... ну, до кончины своей привел Ваня в трактир «Везувий» новую бабу. «Везувий» – это заведение на Ушаковской, возле ночлежного дома. Мы там часто сиживали. Селянка у них хорошая. Ну и разглядел я ее. Красивая, молодая, в полном соку. Губа у Вани была не дура. Только разбитная, я таких не люблю, а Ване в самый раз, ему они нравились. С ней пришла подружка, еще моложе, той вообще лет семнадцать. Она крутила с Ананьиним. Все четверо были уже пьяные, веселились, звали меня в Екатерининский парк. Я, конечно, отказался. Скажу вам так: эти две...

Кассир запнулся, подыскивая слова, потом твердо закончил:

– Они вполне могли быть из фартовых. Вполне.

– Имена разбитных девиц звучали?

– Ту, что с Агуренковым жалась, звали Анфисой. Вторую – не знаю. Биксой они ее кликали...

– Бикса на жаргоне означает женщину легкого поведения, – пояснил штатским Сергей. – Ладно, имени второй мы не знаем. А приметы есть у той или другой?

– Есть, – Диковский продолжал выкладывать ценные сведения, как фокусник достает платки из шляпы. – У Анфисы на левом

запястье татуировка в виде браслета. А на том браслете изображение пчелы. Или осы, я не разглядел.

– Ага. И лет ей?..

– Около двадцати пяти на вид.

Можно было уходить. Сыскные поблагодарили крахмальных дельцов за важные подсказки. Особенно кассира. Выйдя на улицу, Кренин буднично сказал:

– Айда к соседям.

– Айда.

Не трата время попусту, два Сергея ввалились к управляющему товариществу «Тентелевский химический завод», показали полицейские билеты и потребовали ответить на вопросы. Управляющий, рыхлый дядя с редкими рыжими волосами на лбу и с толстой золотой цепочкой по жилету, попросил минуту обождать. А пока предложил выпить чаю.

Вскоре пришел худощавый брюнет с внимательным взглядом, по которому угадывался бывший полицейский.

– Сергей Николаевич! – улыбнулся он Кренину. – Рад новой встрече. Вы теперь чиновник, поздравляю.

– Здравствуйте, Илья Авдеевич. Знакомьтесь: коллежский ассессор Азвестопуло, звать Сергей Манолович, служит по Департаменту полиции.

– Помощник самого Лыкова! – еще шире улыбнулся брюнет. – Слышал, слышал. А я Полубояров.

– Бывший помощник пристава Петергофского участка, – дополнил Кренин. – Теперь, стало быть, вы здесь? Помощник по тонким вопросам?

Все сели к самовару, налили по чашке. Помощник по тонким вопросам окинул гостей серьезным взглядом и ответил:

– Иначе тут нельзя. Тентелевский химический завод – второй в России по объемам производства серной, азотной и хлорной кислоты. Этиловый эфир, нашатырный спирт. Средства для

дезинфекции. То и дело возникают затруднения – так жизнь устроена, сами знаете. Не тяните, говорите, зачем пришли.

Коллежский регистратор спросил сразу в лоб:

– У вас в последнее время платина не пропадала?

Управляющего слово обухом ударили по лысой голове. Он растерянно поглядел на помощника. Тот ответил:

– Что я говорил? Надо было давно заявление подать.

– Значит, пропала, – хмыкнул Кренев. – Много?

– Четыре пуда очищенной, – сообщил Полубояров. – Месяц назад, прямо со склада. Замки не взломаны, никто ничего не видел.

– Почему не обратились в полицию?

– Я предлагал, – зло оскалился бывший помощник пристава. – А они тянули! Все хотели, чтобы я сам нашел вора. Не выносил, значит, сор из избы.

– Вы искали? – быстро спросил его Азвестопуло. – И как? Догадки есть?

– И догадки, и подозрения, – все так же сердито ответил тот. – Четыре пуда! Четыре! Платина все время растет в цене, теперь пропажа стоит больше ста пятидесяти тысяч. Колоссальные деньги! А что я мог? Ну, выяснил, что в ту смену дежурил Сидор Ананьин. Только хотел взять его за пищик, как он рассчитался. Конечно, я начал его искать, подрядил бывших товарищей из полицейского участка. А они мне говорят: Сидора твоего толкнули в воду. Утопили. И все концы тоже туда, в воду.

– Почему не сообщили в полицию? – строго спросил Азвестопуло управляющего.

Тот понуро забормотал:

– Надеялся на Илью Авдеевича, на его знакомства... Боязно доводить такие плохие новости до владельцев. Так без места останешься...

– Пропажу полутора тысяч решили скрыть?! Вы в своем ли уме?

Кренев обратился к бывшему коллеге:

– А прежде такие случаи бывали? В меньших объемах?

– Да, регулярно мы недосчитывались одного-двух фунтов. Тентелевский завод – единственный в России, который умеет очищать самородную платину.

– Да? И как вы это делаете?

Помощник по тонким вопросам заговорил как химик, со знанием дела:

– Сначала мы растворяем ее в царской водке. Слышали про такую? В примесях выделяется золото, его извлекаем с помощью ртути. Другая примесь, осмистый иридий, остается в осадке, на него царская водка совершенно не действует. Но это даже хорошо: иридий делает платину тверже и увеличивает ее способность противостоять химическим воздействиям. Так вот, раствор мы осаждаем нашатырем. Выпариваем, а потом в закрытом тигле превращаем в губчатую платину. Дальше просто: прессуем ее и сплавляем в пламени гремучего газа. Можно плавить в известковой печи, но нам проще газом.

Сыщики ничего не поняли, но с умным видом покивали.

– А дальше что вы с ней делаете? – не унимался любопытный Кренин.

– В последнее время платину у нас стали брать ювелиры. После печи она по цвету и блеску напоминает олово. Но более серая, что ли. Она мягче железа и тверже меди, принимает полировку. Однако по большей части готовая платина уходит на изготовление химической посуды.

– Поставляете в Россию?

Полубояров продолжал уверенно отвечать, покуда управляющий помалкивал:

– Раньше все забирали англичане. Но они ставят низкую цену и просят чистую, без иридия. В последнее время мы наладили поставлять германцам. Те и цену выше дают, и примеси им не мешают. Иридий помогает скатывать платину в тонкую-тонкую

проволоку. Вы даже представить себе не можете, насколько она может быть тонкой! Во взрывателях – до трех сотых миллиметра!

Десятичную систему мер разрешили в империи еще в 1899 году, параллельно с исконно русской, но большинство россиян до сих пор плохо ее понимали. Сыщики опять кивнули и поднялись:

– Ну, нам пора. Спасибо за чай.

Кренив казенным тоном приказал управляющему:

– Чтобы заявление о краже сегодня вечером лежало на столе начальника сысской полиции статского советника Филиппова.

– Слушаюсь. Вы уж извините нас...

Коллежский регистратор обратился к бывшему помощнику пристава:

– Мы откроем дознание. Некоторая надежда есть. Если, конечно, вашу платину уже не увезли в фатерланд.

– Прошу держать меня в курсе дела, Сергей Николаевич.

– Обещаю, Илья Авдеевич.

Сыщики вышли на улицу и долго не могли отдышаться после едких запахов. По длинному Химическому переулку им пришлось идти пешком, утопая в рыжей грязи. Напротив лютеранского кладбища они поймали дрожки, такие же грязно-рыжие, как и все вокруг, и поехали на Офицерскую. Когда проезжали Везенбергскую улицу, Азвестопуло спросил:

– Как насчет догадок?

– Ты про пиньжаковскую барулю по имени Анфиса, с регалкой [\[47\]](#) в виде браслета? Что-то знакомое. Думаю, в картотеке мы ее найдем.

Найти установочные данные на бабу оказалось совсем несложно. Заведующий антропометрическим бюро ПСП Кербер, как только услышал про татуировку, прошел к ящику с карточками, порылся в нем и картинно шлепнул одну из них на стол:

– Дарю!

Это оказалась карточка на бракоразведенную жену петербургского мещанина Анфису Рожнову двадцати пяти лет. Она

была уличена в развратном поведении и в торговле краденными вещами на Ямском рынке, за что отсидела месяц «на Казаках»^[48]. Действительно, в приметах значилась татуировка на левой руке: браслет с пчелой. Но карточка всего-навсего бумажка. А где найти саму бабу?

Эту задачу сыскные решали целых два дня. Расспросы гулящих, облавы в притонах и работа с «коридорной» агентурой принесли результаты. Хипесница Марта Манус, проживающая в задних комнатах трактира «Ягодка», что на Апраксином рынке, дала наводку. По ее словам, Рожнова вместе со своей подружкой Затевахиной связалась с бандой Кольки Черненко. Ребята ограбили Екатеринбургский завод для обработки дерева и минералов и решили лечь на дно. Для чего поселились на Вольном острове, в той его удаленной части, которая отделена от остального острова непроходимым болотом. Благо что стояло лето и можно было жить на свежем воздухе в шалашах.

Облава на Вольном острове – вещь нешуточная: можно нарваться на лихих людей. Но Филиппов приказал обшарить местность немедленно. Полицейские хотели отомстить за гибель сыскного надзирателя – никто уже и не чаял найти его живым. И отряд из десяти городских под командой все того же Кренева отправился на захват. Им придали баркас Третьей дистанции речной полиции и полицейскую собаку Нелли. Ищейка все и сделала.

Сначала она отыскала на берегу две лодки, брезенты и сложенную парусиновую палатку. Затем вынюхала проход через болото и уверенно повела облаву на дальний край. Там в ивовых кустах полиция обнаружила крепко спящую компанию: четырех мужчин и двух женщин. Женщины были совершенно голыми! Вокруг потухшего костра валялись в изобилии пустые водочные бутылки. Отдельно на картонке лежала косметика – тушь, краска для губ – и два зеркальца.

Городовые растолкали все еще пьяных воров и отправили их на баркас. А коллежский регистратор, дав дамам одеться, тут же

приступил к допросу. Ошарашенные неожиданным появлением полиции, те сначала попросили опохмелиться. А получив желаемое, быстро выдали местопребывание Двоедана. Оказалось, что баруля обиделась на своего кредитного за скупость.

– Я же ему столько пользы принесла! Так мозгу закрутила покойнику с химического завода, что он сам тую платину за ворота вынес. И что? Сережки за семь рублей? Жмот, начетчик проклятый. Нет в нем размаху, как в настоящем русском мужике. То ли дело Коля Черненький!

Выяснилось, что Пиньжаков скрывается в номерах «Везенберг» на одноименной улице. И Кренив с Азвестопуло давеча проезжали у него под окнами...

Филиппов с Лыковым сели за план операции. Была вероятность, что вместе с шарташским старовером проживает и Шелашников. Два головореза, которым нечего терять. Разве что четыре пуда платины.

Номера «Везенберг» представляли собой новый двухэтажный дом, обнесенный забором, с двумя главными входами и одним задним. Двадцать номеров, буфет, прачечная в подвале и биллиардная, куда шлялся весь окрестный сброд. Эти пьянчуги и составляли главное затруднение. Если начнется пальба, они кинутся к дверям и могут попасть под выстрелы. Но Владимир Гаврилович нашел выход. Он поручил мелкому вору Лободе, бывшему у Кренива на связи, украсть шары! Пришлось отложить арест Пиньжакова на сутки. Все это время за ним следили. Два агента поселились на этаже и рьяно взялись за выпивку. Почему бы не надраться за казенный счет? Чтобы отвести от себя подозрения. В результате за два вечера они пропили кучу денег из сыскного кредита, насандалив носы чернее матушки грязи. Под девизом «недопой хуже перепоя»...

Когда шары пропали и биллиардная опустела, в номера отправилась арестная команда. Алексей Николаевич хотел потряхнуть стариной, но Белецкий ему запретил. Дело градоначальства, а не наше, сказал директор, ты в него не суйся. И помощнику своему не вели.

В итоге людям Филиппова пришлось справляться самим. Они знали, что номерант «Везенберга» имеет отношение к смерти их товарища, и желали отомстить. Второй бандит, Граф Платов, не показывался – ну тогда хоть этого повязать.

Владимир Гаврилович затребовал из арсенала панцири системы Галле – Задарновского. Они состояли из шести стальных пластин, подвижно соединенных между собой. Пластины принимали форму тела человека и не стесняли его в бою. Сталь подбивалась слоем ваты, защищавшей от динамического удара. Под ватой находился третий слой, из тонкого металла. Его назначением было задержать пулю, если она вдруг пробьет панцирь. Защита прикрывала грудь, живот, пах и отчасти бока. Изобретатели, полицмейстер Четвертого отделения генерал-майор Галле и капитан Третьей роты городских Задарновский, утверждали, что их панцирь надежен и выдерживает даже выстрел из маузера. Производство наладили в Первом доме трудолюбия, что на Обводном канале; один панцирь обходился градоначальству в двадцать рублей. Галле пошел еще дальше. Он разработал также щит для головы и попытался наладить продажу своей арматуры полицейским управлениям по всей России. Однако пока дело шло туго...

Вечером 25 июля с заднего входа в номера проникли пять человек. Кренев и трое его подчиненных были в панцирной защите, а Сергей Николаевич еще держал перед собой большой броневой щит со смотровой щелью. Пятым с ними, несмотря на запрет начальства, все же увязался Лыков. Команда начала подниматься по лестнице на второй этаж. Там уже стояли наготове те два агента, что следили за Пиньжаковым. Они высовывались из номера и подавали товарищам непонятные знаки. Потом оказалось, что оба были пьяны вусмерть и едва стояли на ногах. В этот раз ребята напились со страха. Потом Филиппов наказал их, вычтя из жалования по пять рублей.

То ли пьяные агенты нашумели, то ли кто другой, но Двоедан напал первым. Он выскочил вдруг в коридор и открыл стрельбу по

сыскным сразу из двух револьверов. Надзиратели сгрудились позади щита. Алексей Николаевич тоже пригнул голову. Пули летели тут и там, ударяли в щит, разбили лампу под потолком. Команда затаилась и ждала, когда у негодя кончатся патроны. Лыкову это надоело. Он высунулся из-за сыскных и, быстро прицелившись, дважды выстрелил.

Бандит упал как подкошенный. В коридоре сделалось тихо. Крнев осторожно подошел к лежащему, наклонился. Потом обернулся к статскому советнику и одобрительно сказал:

– Хорошая кучность! Один заряд в щеку, второй в сонную артерию. Готов...

– Это ему за Изралова, – подхватил кто-то из надзирателей и харкнул на покойника. Остальные сделали то же самое.

Обыск в комнате дал результат. В запечье нашли двадцать фунтов губчатой платины. Серая пористая масса так мало походила на драгоценный металл, что полицейские едва не выкинули ее в помойное ведро.

Еще одна находка обнаружилась на подоконнике – ассигновка дирекции Морского порта. Прочитав ее, сыщики бегом отправились туда и едва не опоздали. На внешнеторговом причале ни с того ни с сего загорелся германский пароход «Ханс Леонарди». Утром он должен был отплыть в Данциг. Согласно ассигновке, именно на этом пароходе находилось два места, которые пересылало Общество транспортирования кладей и товаров «Гергард Гей». Владельцами общества являлись немецкие негоцианты еврейского происхождения Леонарди и Блюмберг.

Пароход горел всю ночь, верхняя палуба и рубка превратились в угли. Но трюм и его содержимое пожарные сумели отстоять. Когда корабль остыл, сыскные обшарили его и нашли четыре пуда чистой платины. Той самой, что была украдена у товарищества «Тентелевский химический завод». Груз был оформлен как свинец и прошел таможенный контроль.

Глава 5

На Урал

В особняке мануфактуриста Вырапаева, а на самом деле петербургского Мориарти Рудайтиса, собрались трое человек. Хозяин бегал по кабинету и сквернословил. Его молча слушали хозяин резбенно-иконостасной мастерской Ногтев, он же старый бандит Верлиока, и адвокат Аванесян.

– На сто пятьдесят тыщ нагрел, скотина! – чуть не рыдал «иван иванович». – За меньшие суммы я головы срезал! Ах ...! Да я его! Не прощу, не прощу...

Верлиока сказал в сторону:

– Узнаю Алексея. Завсегда он так умел. Ловок!

– Что? – осекся Рудайтис.

– Да, говорю, я его смолоду знаю. Действенный человек.

– Тьфу! Я этого действенного...

Он покосился на адвоката и проглотил окончание фразы. Потом истребил полстакана водки, несколько успокоился и приказал Ногтеву:

– Вызови ко мне Корявого. Срочно.

– Как скажешь... – пробормотал старый головорез. По лицу его было видно, что он не одобряет решение шефа. Однако спорить не решается...

Тут заговорил Аванесян:

– Сергей Родионович, вы совершаете ошибку.

– Я – ошибку? – взвинченным голосом переспросил «иван иваныч». – В каком смысле? Вы на что подумали?

– Вы же хотите убить Лыкова.

– Господь с вами, и в мыслях не было!

Аванесян не отставал:

– Лыков – полезный человек. Его слову можно верить.

– Да я других куплю, оптом, за червонец дюжину. Они там все продажные.

Адвокат возразил:

– Продажные полезны, когда можно дать денег. Но есть случаи, когда надо дать слово. Тут и пригодится статский советник. Он рано или поздно сделается генералом, вырастет и в должности. Тем лучше, наши договоренности перейдут на другой уровень.

Рудайтис нахмурился:

– Сурен Ованесович, я вас держу не для таких советов, а для других. Понятно?

– Однако...

– Сурен Ованесович! Не лезьте куда не просят. В наших делах вы не сведущи, уж поверьте. Лучше вам их и не знать.

– Но...

Хозяин крикнул громко:

– Порфирий!

Тут же вошел крепыш в ливрее, сидевшей на нем, как маскарадный костюм.

– Проводи господина присяжного поверенного до калитки.

– Слушаюсь.

Аванесян вышел, красный от негодования. Когда дверь за ним закрылась, Ногтев веско заявил:

– А он прав.

– И ты туда же?

– Тебе, Ларион, обидно, я понимаю. Платину Лыков у тебя отобрал. Но почему? Потому, что ты его оттолкнул. А ведь был уговор. Об том...

– Об чем, старик? – рявкнул «иван иваныч». – Что можно на сто пятьдесят тысяч греть? Да за такие деньги я самому царю голову на рукомоиник положу^[49].

– На сто тыщ тебя уже взгрел его сын, в Персии. Помнишь? Ты же ему спустил? Спусти и теперь. Ты первый начал, вот Лыков и отвечает.

– Отвечает он... Я, по-твоему, должен был ему Графа Платова отдать? Самого нужного сейчас человека? Знаешь ведь, какой гешефт намечается. Всю тайную золотую и платиновую добычу на Урале можно себе подчинить. Обороты миллионные. Я сделал главное – нашел покупателя. Такого, у кого средства никогда не кончатся. Потому как это кайзер Вильгельм.

Рудайтис перевел дух, сел в кресло и продолжил:

– А Граф Платов должен с другого конца отстроить. На всем Урале. Слышал, теперь появились такие аппараты, пылесос называется? Вжик – и пыль собрал. Вот такой «пылесос» мне обещал Матвей Досифеевич. То, что мимо казны проходит, и старательское, и от горбачей, в мою кучу сгрести. А самое главное – то, что утаили управляющие от своих хозяев в столицах. Вот где главные покражи. Матвей с Урала, подноготную знает. Авторитетный фартовый, много лет в «иванах» ходит. Другого такого нет. Лишь он сейчас может устроить тот «золотой пылесос». Понимаешь, старик? Не могу я отдать Лыкову такого нужного человека.

– Но Шелашников сам виноват. Зачем зарезал сыскного? Ты же знаешь, как они мстят за своего. Лыкова можно понять.

Рудайтис вздохнул:

– Что вышло, то вышло. Чего теперь жалеть? Но оставить его без наказания я не имею права, иначе он почует мою слабину. Тут пошло на принцип. Око за око, зуб за зуб. И настоящий фартовый всегда прав! Мне, может, и самому жалко Лыкова. Но теперь ему крышка. Иди, Верлиока, не зли меня. Присылай Корявого, остальное тебя не касается.

Старик тоже вздохнул и ушел. Через четверть часа явился высокий мужик лет сорока: лицо в щербинах, глаза как две щелки, крупные красные руки... Про таких говорят: еловая кожа, сосновая рожа. Сесть он не посмел, приказ «ивана иваныча» выслушал стоя.

– Ты про Лыкова слышал? – начал тот.

– Слыхал.

– Надо его сложить. Как, справишься?

– Сложить можно любого. Если сделать, как надо.
– Вот и сделай, как надо!
– Слушаюсь, – кивнул бандит.
– Учти, при нем грек состоит, Азвестопуло его фамилия. Того тоже сложи.

– Угу.

Рудайтис начал нервно барабанить пальцами по столу. Его бил нервный тик, было видно, что он волнуется.

– Оба опасные, даже молодой, – продолжил он наставления.

– Я сам опасный, – осклабился Корявый.

– Возьми людей, сколько надо. Верлиока распорядится. И еще...

Бандит ждал, а «иван иваныч» все тянул:

– Это... как бы сказать? Хорошо бы не здесь их сложить, а в другом каком месте.

– В каком? – не понял Корявый. – Схватить и вывезти за город?

– Да нет, лучше бы пускай они уедут в командировку, и там их прищучить. Чтобы не Филиппова люди нас потом искали. А в глубинке сыщики вялые, там легче тебе будет.

Рудайтис отвернулся к окну и делано зевнул:

– Да только как их выманить? Нет уж, бей, где получится. И это... изобрази обычный грант. Часы срежь, карманы выверни...

Бандит почесал сизый нос и ответил:

– Слушаюсь. Адресок бы...

– Верлиока даст наводку. Ступай.

Под вечер в кабинет статского советника явился рассыльный и доложил:

– Вас господин спрашивает. Просят спуститься.

Алексей Николаевич накинул сюртук и вышел в вестибюль. Там стоял, прислонившись к колонне, присяжный поверенный Аванесян.

– Сурен Ованесович? Здравствуйте. Чему обязан?

Гость отвел сыщика в угол и сказал вполголоса:

– Я не должен этого делать... Но, с другой стороны, должен.

Лыков усмехнулся:

– Так должны или не должны?

– Кажется, Вырапаев приказал убить вас.

Усмешку мигом сдуло с лица сыщика.

– Вот как... Это точно или вам показалось?

– Вслух при мне он этого, конечно, не сказал, такие вещи говорят без свидетелей. Но очень на то похоже. Я пытался его отговорить. И еще один человек, вы его не знаете, тоже возражал. Но не получилось. Вырапаев пылает весь, он желает отомстить.

– За четыре пуда платины?

– Да. Потеря большая, его взяло за живое. Так что, Алексей Николаевич, берегитесь. Он чрезвычайно опасный человек.

Лыков повел плечами:

– Да уж, самый опасный сейчас во всем городе. Знаете, как его Азвестопуло называет? Мориарти.

Они помолчали, потом статский советник спросил:

– Еще что-нибудь знаете?

– Он вызвал Корявого. Понятия не имею, кто это такой, но, видимо, головорез.

– Корявый... Не слышал. Ну, разберусь. Спасибо за предупреждение, Сурен Ованесович. Вы очень рискуете, помогая мне. Ларька Шишок, он же Рудайтис, который живет под именем Вырапаева, не простит вам, если узнает. Будьте осторожны.

Мужчины пожали друг другу руки, и присяжный поверенный удалился. Лыков поднялся к себе. Азвестопуло поймал его взгляд и вскинулся:

– Что случилось? Кто к вам приходил?

Алексей Николаевич рассказал. Грек был ошарашен:

– Убить статского советника из Департамента полиции? Он с ума сошел? С него с живого не слезут, я его своими руками удавлю!

– А если и ты на очереди? Это месть за платину.

– Другие найдутся. Вся полиция бросится искать, и не успокоятся, покуда не поймают. Вон Изралов вообще чина не имел. А мы как

взялись? Пиньжакова уже достали, и Граф Платов никуда не денется, получит свое. Фартовые знают этот закон! Я...

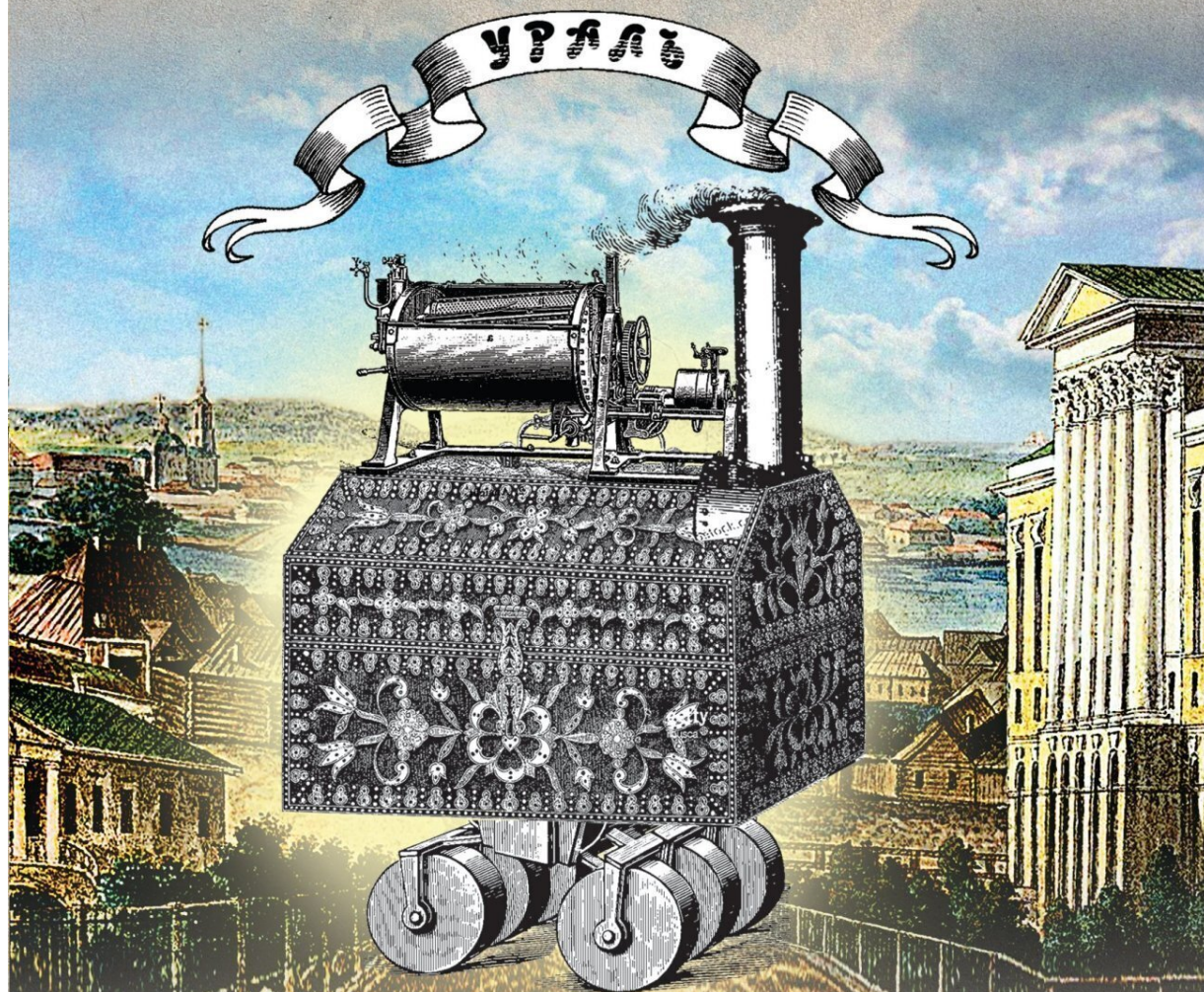
Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

УРАЛЬСКОЕ
ЭХО

Примечания

1

Полиция Петербурга после 1906 года разделялась на шесть отделений, в каждое входило по 8–10 участков. Отделения возглавляли полицмейстеры, подчинявшиеся градоначальнику. *(Здесь и далее – примеч. автора.)*

[Вернуться](#)

2

Правильно – надзиратель, но в просторечье их часто называли агентами.

[Вернуться](#)

3

Обираловка – пивная; *бан* – вокзал (жарг.).

[Вернуться](#)

4

Хевра – шайка; *мойщик* – поездной вор; *скрипушник* – вокзальный вор (жарг.).

[Вернуться](#)

5

Трехсотлетие дома Романовых.

[Вернуться](#)

6

Журналист – чиновник канцелярии, отвечающий за архив.

[Вернуться](#)

7

См. книгу «В отсутствие начальства».

[Вернуться](#)

8

Дача – земельный участок, занимаемый прииском, с лесом, полезными ископаемыми, разработками и прочим.

[Вернуться](#)

9

См. рассказ «Варешкин» в сборнике «Удар в сердце».

[Вернуться](#)

10

Слам – воровская добыча.

[Вернуться](#)

11

Блатер-каин – барыга, маклак, скупщик краденого.

[Вернуться](#)

12

ГТУ – Главное тюремное управление.

[Вернуться](#)

13

На Офицерской, 28, располагалась Петербургская сыскная полиция.

[Вернуться](#)

14

Кошко Аркадий Францевич – начальник Московской сыскной полиции (МСП).

[Вернуться](#)

15

Двоедан – прозвище старовера.

[Вернуться](#)

16

«*Черный извозчик*» – сообщник воров, помогающий со своим экипажем совершать кражи.

[Вернуться](#)

17

См. книгу «Паутина».

[Вернуться](#)

18

Рост Григория Кашеева составлял 2 метра 18 сантиметров.

[Вернуться](#)

19

Капорник – секретный осведомитель полиции (*жарг.*).

[Вернуться](#)

20

Лягач – то же, что и капорник: доносчик (*жарг.*).

[Вернуться](#)

21

Сложить – убить; *фигарис* – сыщик (*жарг.*).

[Вернуться](#)

22

«*Красная шапка*» – посыльный.

[Вернуться](#)

23

«*Падший металл*» – одно из разговорных названий золота.

[Вернуться](#)

24

Точная цена золотника в 1913 году – 5 рублей 50 и 350/363 копейки. В золотнике 4,26 грамма.

[Вернуться](#)

25

Старатель – вольный добытчик, арендующий золотоносные участки у их владельцев; *горбач* – дикий старатель, хищнически добывающий золото в чужих участках.

[Вернуться](#)

26

Рафинад, рафинирование – аффинаж, очистка металла от примесей.

[Вернуться](#)

27

Царская водка – смесь концентрированных соляной и азотной кислот; используется для аффинажа благородных металлов.

[Вернуться](#)

28

Лигатура – примеси к благородному металлу в монете.

[Вернуться](#)

29

ЛОО – Петербургское охранное отделение.

[Вернуться](#)

30

Качка – телега ломового извозчика.

[Вернуться](#)

31

Фикс – то же, что и рыжье: золото (*жарг.*).

[Вернуться](#)

32

Рештак – арестантские роты, исправительные арестантские отделения.

[Вернуться](#)

33

Часы-браслет – наручные часы.

[Вернуться](#)

34

«*Красный*» – вор.

[Вернуться](#)

35

Устройство с рукавом и носиком на конце, в которое заливали горячую воду, потом клали горящие угли, превращали воду в пар и выкуривали им клопов.

[Вернуться](#)

36

Долевые весы предназначены для взвешивания золота, разновесы к ним кратны долям (доля – мера веса золота, равна 1/96 золотника или 44,435 мг).

[Вернуться](#)

37

В Литовском замке находилось Петербургское арестантское исправительное отделение.

[Вернуться](#)

38

Выручка – касса.

[Вернуться](#)

39

Горчичник – хулиган, шпана.

[Вернуться](#)

40

Ремингтонист – машинист печатной машинки «ремингтон».

[Вернуться](#)

41

Без прошения, по решению начальства (с лишением выслуги, пенсии и права впредь поступать на государственную службу).

[Вернуться](#)

42

Маклаков Николай Алексеевич – министр внутренних дел.

[Вернуться](#)

43

Щегловитов Иван Григорьевич – министр юстиции, *Сухомлинов Владимир Александрович* – военный министр.

[Вернуться](#)

44

Ванька Каин – прозвище Щегловитова.

[Вернуться](#)

45

См. книгу «В отсутствие начальства».

[Вернуться](#)

46

Снарить – украсть (жарг.).

[Вернуться](#)

47

Баруля – любовница; регалка – татуировка (жарг.).

[Вернуться](#)

48

Петербургский арестный дом на Казачьем плацу, набережная реки Монастырки; в нем отбывали краткосрочный арест по приговору мирового судьи.

[Вернуться](#)

49

Положить голову на рукомойник – убить (жарг.).

[Вернуться](#)